

Дмитрий Косяков

Ульрика в Пододеялии

Наш поезд мчался на запад,
Где солнце спускалось в ад,
И дочка спросила: «Папа,
Когда мы проедем закат?

Он там, впереди, но он рядом.
Как быстро нас поезд понёс!
Когда ж он останется сзади?
Когда мы проедем насквозь?»

Нет, мы не проедем закат,
Нет, мы не проедем закат.
Пройди сто дорог,
Но он будет далёк,
И я даже этому рад.

Но машет девочка шляпкой,
Дрожит у неё голосок:
«Он к нам приближается, папка!
Спустился на ближний лесок!»

Щекой ко мне дочка прильнула,
Глядит, как сгущается мгла,
Да так на руках и уснула,
Упрямые бровки свела.

Закат убегает назад,
Зароется в землю, как клад,
Умрёт на бегу—
Я лампу зажгу,
Но мы не проедем закат.

1. Ульрика попадает в незнакому страну

Они и правда не проехали закат: когда папа с Ульрикой на руках вышел из электрички, то вечерняя заря догорала вдали розоватой полоской. Папа разбудил Ульрику и поставил её на ножки, так как она уже подросла и папа не смог бы нести её всю дорогу. Они взяли за руки и пошли от дышащей жаром железной дороги в пахнущую травами темноту. Спустились с насыпи к речушке, перебрались через неё по мостику, потом снова стали подниматься в горку.

Шум электрички затих вдали, комарики пели над ухом свою сумеречную песенку. Между деревьями становилось всё темнее, и лесная мгла оживала: начинали перешёптываться деревья и травы, давали о себе знать ночные зверушки.

Вообще Ульрика с папой любили поболтать о том о сём, но в этой темноте интереснее было слушать, о чём говорит лес.

Наконец они вышли к посёлку (Ульрика забыла, как он называется), проследовали вдоль заборов по дорожке, на которой лежали жёлтые пятна от окон, и добрались до своего забора.

Отперли калитку и поскорее прошли в дом.

Разулись, а затем, хоть и устали с дороги, поскорее принялись за дела, ведь нужно было затопить печку, чтобы согреться, да и чего-нибудь перекусить. Свет из окна озарял ветки ближайших кустов, а дальше начиналась непроглядная мгла, шевелящаяся, дышащая, глядящая в дом.

Пока Ульрика ужинала, печка понемногу согрела избушку. Потом стали укладываться спать. Потом папа пошёл шебуршать какими-то вещами в соседней комнате, а Ульрика принялась за своё любимое занятие—прыгать по кровати. Ах, как здорово играть с подушками и огромным тяжёлым одеялом! Залезаешь под него с головой—и...

И тут случилось невероятное. Из-под одеяла потерялся выход. Ульрика ползла то в одну, то в другую сторону, но никак не могла доползти до края. Встать на ножки она не могла: уж очень тяжёлое было одеяло. Стало немножко страшно, но Ульрика взяла себя в руки и решила ползти всё время в одном и том же направлении. Не могут ведь одеяло и кровать быть бесконечными! Казалось, что она ползла целую вечность, но потом вдруг её рука потеряла опору, и Ульрика стала соскальзывать куда-то.

Только и успела крикнуть:
— Папа, выручай! — и поехала будто со снежной горки вниз... вниз...

Струившееся вокруг, гладившее её по щекам одеяльное полотно вдруг превратилось в листву. И девочка уже не падала, а стояла на своих ногах, да ещё и в сандаликах. Ульрика стала пробиваться сквозь окружившие её ветки и листья и вот оказалась посреди улочки, вдоль которой тянулись заборчики и живая изгородь. Сквозь одну такую живую изгородь она и продралась, но, оглянувшись назад, поняла, что за её спиной ветки сомкнулись плотно и непроходимо.

Сперва Ульрика посмотрела на себя: вот чудеса! и когда это она успела обуться и одеться? Потом

хорошенько огляделась вокруг. Где это она очутилась? Ночь куда-то пропала, вокруг стало куда светлее. За заборчиками виднелись удивительные домишки—один другого необыкновеннее: то пузатые, почти круглые; то совсем треугольные, так что скаты крыши упирались в землю; то квадратные, как кирпич. Да и сами заборчики были очень странные, сделанные из чего попало: из спинок кроватей, из кое-как натканых веток или ещё из чего.

Так что первое время Ульрика только изумлялась всему этому, шла вдоль улицы и любовалась домиками. А что? Солнышко пригрело, есть не хотелось. И местных жителей пока что-то было не видать.

Ульрика заглядывала за оградки, но во дворах было пусто, занавесочки на окнах домов были опущены. «Наверное, тут ещё утро»,—догадалась Ульрика и двинулась дальше. Впереди дорожка делала поворот, а вдалеке над домами в небо вздымались покрытые лесом холмы. Всё было тихо, солнышко золотилось ещё где-то между стволами деревьев, птички едва начинали просыпаться.

2. Старый Лис учит жизни

Но вот с одного из крылец донёсся скрип. Кто-то сидел в кресле-качалке и деловито шуршал газетой (Ульрика знала, что такое кресло-качалка и газета, из старых книжек и мультиков). А потом хозяин дома перестал читать, убрал газету, и оказалось, что это Лис—большой и даже толстый.

На Лисе были надеты синие джинсы с подтяжками, а на теле то ли рыжий свитер, то ли просто такая шерсть—не поймёшь. Морда у него была... впрочем, все лисьи морды кажутся хитрыми. А у этого ещё и глаза прятались за стёклышками очков.—Здравствуйте!—кликнула его Ульрика.

Лис поднял очки на лоб и посмотрел на неё удивлённо и внимательно:

— Кто это ко мне пожаловал?

— Это я, Уля.

— Ну, заходи... Уля-кукуля.

Девочка отворила калитку и по вымощенной плитам дорожке подошла к крыльцу—мимо грядок с клубникой, теплиц и клумбочек. Всё это время Лис внимательно смотрел на Улю и не говорил ни слова.

Девочка подошла и в ответ тоже уставилась на Лиса:

— А как тебя зовут?

— Меня? Сотсирх.

— Как?

— Сотсирх.

— Что за странное имя?—удивилась Ульрика.

— Ну, вот так уж вышло: родители соригинальничали, а мне с этим жить пришлось. Нет бы назвали меня обычным лисьим именем—Трифилий или Варакасий...—сказал Лис, пошевелив усами.

— А что это за место?

— Это? Посёлок Физиков.

— Вот это всё-о?—Ульрика сделала широкий жест рукой, охватив им даже дальние холмы.

— Зачем же всё? Там, за холмом, находится посёлок Лириков. Только делать в нём особенно нечего.

— А почему нечего?

— О, милая, сейчас Старый Лис научит тебя жизни!—от предвкушения он даже потёр лапы.

Ульрика села на небольшую скамеечку, и Лис приступил:

— Видишь ли, дорогая деточка, все люди от природы делятся на физиков и лириков. Люди умные и трудолюбивые идут в физики, изучают всякие точные науки и работают программистами, а люди ленивые и бестолковые идут в лирики и работают охранниками в супермаркетах, хотя и воображают себя бог знает чем. Если ты будешь физиком, то в тебе всегда и всюду будет нужда, а от лириков никакого толку нет. И при этом всякий физик, если только пожелает, запросто может превратиться в лирика—тому есть масса удачных примеров, а вот лирик ни за что не сможет стать физиком, ибо умом не вышел. Ну как, кем бы ты хотела быть?

— Так вы же говорите, что это всё от природы зависит,—удивилась Ульрика.

— Зависит-то оно от природы,—не растерялся Лис,—да только как ты узнаешь, кем ты уродился?

— И как же тут узнать?

— Есть способ,—подмигнул Лис.—Если ты признаёшь, что физики—самый нужный и дельный народ, значит, для тебя ещё не всё потеряно—можешь стать физиком.

— И всё?

— Не совсем. Есть ещё одно условие.

— Какое?

— Надо мальчиком родиться. Девочки физиками быть не могут. Это как машину водить.

— Так зачем вы мне всё это рассказываете? Разве не видите, что я девочка?

Лис вздохнул:

— Вижу. Да только что же делать? Мальчики меня слушать не хотят. Надоел, говорят. Не приставай, говорят. Дураки они все. Небось, в лирики решили податься. Ну да ничего—мы для тебя сделаем исключение. Будешь первая девочка-физик!—подмигнул Лис.

— А это здорово?

— Конечно! Только представь: будешь настоящую пользу людям приносить, изобретать всякие удивительные штуки.

— Ух ты! А какие штуки?

— Ну... какие... Уж какие скажут. Сам-то я не знаю, чего изобретать. Надо, чтобы тебе сперва заказ поступил.

— Заказ? А от кого?

— От кого, от кого! От начальства!

— А начальство—это физики или лирики?

Лис задумчиво почесал ухо:

— Обычно, конечно, начальство из лириков состоит. Кто там у нас? Юристы, экономисты да философы всякие, будь они неладны.

— Как же это так выходит, что физики всех умней и трудолюбивей, а лирики у них в начальниках ходят?

Лис смущённо скосил глаза.

— Доверчивые мы. И благородные сверх меры! — закончил он, стукнув себя лапой в грудь. — Ну так вот, а сейчас я буду тебе рассказывать про королеву.

— Про какую королеву? — заинтересовалась Уля.

— Конечно же, про английскую! — ответил Лис.

Слушать про английскую королеву девочке совсем не хотелось.

— А я думала, у вас тут какая-нибудь своя королева есть...

— Вообще-то королева у нас есть, вот только про неё говорить неинтересно: про неё же в газетах не пишут и по телевизору не рассказывают.

— А вы любите газеты читать и телевизор смотреть?

— Люблю или не люблю, это тут совершенно ни при чём. Это мой сыновний долг!

— А что такое сыновний долг?

— Понимаешь ли, когда я был ещё мал, а мой папа был ещё молод, он сказал мне: «Сотя (это он так ласково меня называл), пообещай, что после моей смерти ты продолжишь моё дело».

— А какое это было дело?

— Ну, в то время он изобретал какие-то космические корабли. Но потом он это дело забросил и в последние годы жизни сидел на этом самом крыльце и читал эту самую газету или сидел дома и смотрел телевизор. Поэтому, когда его не стало, я дал на его могиле торжественную клятву и, как видишь, сдержал её — сижу тут и читаю эту самую газету.

Лис важно развернул газету и показал её Ульрике. На листе красовался двуглавый лис в пиджаке и в галстуке, а сверху было написано крупными буквами: «Пододьяльская газета».

— А! — догадалась девочка. — Так ваша страна называется Пододьялия?

— Совершенно верно. Самая лучшая страна на свете. Скоро мы всех победим и захватим.

— А мне мой дедушка... даже оба дедушки говорили, что это мы скоро всех победим и захватим.

— Ты их не слушай, ты меня слушай. Дураки твои дедушки — я один умный, — сказал Лис, но Ульрике уже расхотелось его слушать.

— А как мне отсюда домой попасть? — спросила она.

— Это смотря как ты сюда попала.

— Я залезла под одеяло и провалилась в какую-то дырочку.

— Не просто в дырочку, а в *судырочку*, — поправил её Лис. — Так вот, чтобы домой попасть, тебе надо будет разыскать *тудырочку*.

— И где же её искать?

— Тудырочка, наверно, где-то у лириков находится, — сказал Лис, задумчиво крутя хвостом.

— А почему именно там?

— Диалектика.

— Какая ещё такая диалектика?

— А я откуда знаю? Просто когда не знаешь, что сказать, всегда говори «диалектика», и всякий от тебя отстанет. Во всяком случае, у нас в посёлке.

— А что нужно говорить в посёлке Лириков?

— Хм... не знаю... Попробуй сказать «томление духа», авось подойдёт. Или скажи, что ты на экскурсию к ним пришла, они это любят... Да что же это я? — вдруг спохватился Лис. — Ты ведь моя гостья, и я должен тебя угостить!

Ульрика поблагодарила и подумала, что это очень мило со стороны Лиса, потому что хоть она и попала в Пододьялию вполне сытой, но уже успела проголодаться, пока слушала всякие рассуждения и поучения.

Лис сперва пригласил Ульрику в дом, но в доме оказался ужасный беспорядок и грязь. Ульрика заглянула за дверь и увидела в темноте какие-то железные полки, на которых стояли всякие непонятные приборы вперемежку с грязной посудой. Она даже подумала, что дом и вовсе необитаем и используется в качестве чулана.

Но Лис отвлек девочку от подобных раздумий, пригласив её позавтракать на свежем воздухе за летним столиком. Он вытащил мешок с вполне настоящей гречневой крупой и отсыпал немного в две чашечки. Залил всё это кипятком и накрыл другими чашками. Пока нарезали хлеб, то да сё, крупа уже распарилась. Лис полил это всё подсолнечным маслом. Гречка была кисловата на вкус, но солить Лис наотрез отказался, ибо от этого «камни в почках заводятся». В принципе, кушанье получилось вполне съедобное, тем более что Уля была голодна, а Лис с особым смаком потчевал гостью.

«И чем это не приволье? — подумала Уля. — Вот так покушать гречки из грязной посуды вместе со Старым Лисом». И даже то, что вилки были плохо вымыты, придавало этому завтраку особую лихость, особую запретную прелесть. Ведь мама ни за что бы не разрешила Ульрике принимать участие в такой трапезе.

— Отведай ветчинки, внученька, — ласково говорил Лис, доставая из-под стола тарелку с засохшей нарезкой.

Ну, тут уж Ульрика вежливо отказалась и приналегла на кашу.

Перекусивши, она стала прощаться с Лисом, а он стал уговаривать её ещё погостить у него. Даже обещал ей забавные задачки по математике загадать и показать, как в компьютере систему переустанавливать.

Но на это Ульрика уже не польстилась, а отправилась в путь.

3. Маркиз Кусолиз

Пока что дорожка катилась под уклон — к подножию холма, за которым располагался посёлок Лириков. Пройдя несколько шагов, Ульрика вдруг заметила, что идёт босиком, что на ней больше нет тапочек. Ну дела! Куда ж это они подевались? Неужели Лис стащил детские тапочки? Кто его знает...

Впрочем, идти босичком было даже приятнее, хотя получалось и не так быстро. Ходить босиком приятно и по прохладной травке, и по мягкой дорожной пыли, и по тёплой грязи. Только по камням неприятно. Девочка топала вдоль аккуратных (и не очень) оградок, ухоженных (и не очень) лужаек, приветливых (и не очень) домиков. Зелёные изгороди порой поднимались высоко, и тем интереснее было узнавать, что откроется за тем или иным поворотом: то вдруг появится увитая плющом арочка, то притаившаяся в кустах скульптура русалки или енота, а то и курятничек с самыми настоящими цыплятами! Так девочка шла, исследовала пододеяльские красоты, пока на перекрёстке не увидела маркиза.

Можно было не сомневаться, что это настоящий маркиз — в сером дымчатом камзоле и белой крахмальной рубашке, в высоких ботфортах и длинном курчавом парике, из-под которого выглядывало небольшое личико с аккуратными усиками и большими удивлёнными глазами. Маркиз топтался на одном месте, оглядывался по сторонам и разводил руками. Было сразу ясно, что он находится в самом затруднительном положении.

Ульрика была девочкой доброй и героической. Она немного постеснялась, а потом подошла к маркизу и спросила, что с ним произошло. Маркиз сперва немного удивился, а потом произнёс мягким бархатным голосом:

— Видите ли, мадмуазель, я потерял ключ.
— Ключ? Какой ключ? — спросила Ульрика и сразу принялась осматриваться вместе с маркизом.
— Ключ от замка.
— От какого замка?
— Этого я тоже не знаю. Потому что замок я тоже потерял.

Тут бы хорошо было прибавить, что маркиз сказал эти слова *сокрушённо*, но сокрушаться маркиз не умел и потому сообщал о своих потерях как о самых обычных делах.

— Ну, замок-то мы найдём. Ведь он в двери, правильно?

— Да, но дверь я тоже потерял.
— Ну и ну! Как же это вы всё теряете?
— Да, бедный маркиз потерял ключ, замок и дверь, да ещё и кто-то смотрит на меня, и потому я не могу ничего найти, — отвечал маркиз.

Ульрика невольно тоже стала рассматривать не дорогу, а озираться по сторонам: заборчики,

ограды, дома, калитки, деревья, пара столбов... Погодите, погодите-ка... Устолба была пара глаз! — Ага, вот оно! — воскликнула девочка, и глаза тут же зажмурились и пропали.

Маркиз с облегчением провёл рукой по лицу: — Ну, спасибо тебе, отважная незнакомка. Теперь давай найдём ключ.

Они стали всматриваться в заборы, в дорожную пыль, и наконец Ульрика разглядела на кусте блестящий серебряный ключик. Она протянула его маркизу:

— Это?
— Да! Но оставь его пока при себе. Пока мы не нашли замок и дверь, я не могу ни воспользоваться ключом, ни даже назвать моё имя.

«Какие странности! Или у маркизов всегда так принято?» — задумалась Ульрика. Но не успела она припомнить, что она вообще знает о маркизах, как наступила на что-то. Это и был замок.

— Пр-ревосходно! Пр-ревосходно! — маркиз даже запрыгал от радости. — Осталась дверь.

Ульрика принялась указывать на двери близлежащих домиков:

— Это? Это?

Но маркиз только мотал головой, а потом даже нетерпеливо топнул ногой. Ульрика обиделась: — Я тебе уже столько всего нашла. Хоть бы ты сам что-нибудь разыскал.

— Не могу, — настаивал маркиз. — Ищи ты.
— Нет, — Уля тоже топнула босой ножкой, гордо задрала нос и тут увидела на сосне, которая росла у дороги, на одной из верхних веток что-то маленькое, дугообразное... — Может, это?

— Ну конечно! — обрадовался маркиз. — Теперь полезай за дверью.

— Хватит, — возмутилась Ульрика. — Сам полезай. Устала я доброй быть, и вообще я — девочка.

Маркиз засопел, но послушался, обхватил сосну руками и с такой ловкостью полез на сосну, что Уля удивилась — уж ей бы ни за что это так здорово не удалось.

— А ты мне пой что-нибудь! — крикнул маркиз уже сверху. — Я люблю, чтобы песни были, когда я по деревьям лазаю.

— А про что петь-то? — закричала снизу Уля.
— Про что-нибудь смелое. А то свалюсь!

Ульрика вспомнила песенку, которую она учила в садике, и стала петь её. Правда, слова, может быть от волнения, получались какие-то не такие:

Моя армия синяя-синяя,
Моя армия белая-белая,
Моя армия чёрная-чёрная,
Эта песня об армии моей!
Наша армия синяя-синяя,
Наша армия белая-белая,
Наша армия чёрная-чёрная,
Смешная зачинщица затей!

Мы тебя во все цвета покрасим,
Дорогая армия моя,
Только ни за что не будешь красной,
Потому что это ай-яй-яй!

— Давай ещё! — кричал с дерева маркиз. — Я уже вниз лезу!

Ульрика попробовала припомнить другую песенку, которую любил петь её дедушка:

Как упоительны в России вечера,
Американо, капучино и чизкейки,
В кинотеатрах голливудские ремейки,
Как упоительны в России вечера.

И снова слова получались не совсем правильные и не совсем понятные. Если американо и капучино девочка знала и даже пробовала, то что такое ремейки и с чем их едят, понять было мудрено. А дальше пошло что-то невообразимое:

От мемов в «Твиттере» фейспалмят юзера,
А на «Рутубе» модератор банит фейки.
Американо, капучино и чизкейки,
Как упоительны в России вечера.

— Ну, достаточно! — маркиз уже слез с дерева, и рядом с ним красовалась большая, в человеческий рост, серебряная дверь. — Вот теперь я могу представиться и пригласить тебя в гости.

— Странно, а я думала, что люди сначала знакомятся, а потом приглашают друг друга в гости.

— У *простых* людей это, может, и так, а у нас, у маркизов, всё наоборот. Ведь мы, маркизы, называемся в честь своих родовых замков и имений. А если нет у тебя замка, то какой ты маркиз и как тебя вообще зовут? А теперь я имею полное право представиться: маркиз Кусолиз из Розового замка!

При этих словах маркиз Кусолиз распахнул серебряную дверь, и за ней оказалась дорожка, ведущая к небольшому нарядному замку с розовыми крышами. Причём дорожку и замок было видно, только если смотреть через дверь, а если заглянуть как-нибудь сбоку, то никакого замка с дорожкой не наблюдалось.

Ульрика тоже представилась — назвала фамилию, имя и отчество, правда, перепутала порядок, так что отчество у неё пошло после фамилии. Но маркиза это совершенно не смутило: он шаркнул ножкой и сделал приглашающий жест рукой.

Они прошли к замку, остановились у ворот, и маркиз шепнул Ульрике:

— А теперь крикни погромче: «Открыть ворота высокородному и могущественному владельцу, достопочтенному маркизу Кусолизу!»

— Почему я должна это кричать? — прошептала в ответ Ульрика.

— Так уж полагается. Не могу же я сам себя представлять. Вот когда нам отопрут, я тебя представлю.

Ульрика согласилась. Она притопнула ножкой и прокричала то, что было нужно. Ворота и впрямь открылись, а за ними их встретили двое очень высоких людей — мужчина и женщина.

— Познакомься, это мои слуги, Иван Иванович и Марья Петровна, — сказал маркиз и обратился к встречавшим: — А эта девочка — Ульрика, моя помощница.

Великаны прогудели в ответ что-то непонятное и впустили их в замок.

4. В Розовом замке

Всё в жилище у маркиза было большое.

— Люблю масштаб! — приговаривал Кусолиз, показывая Ульрике большие столы и стулья, большие кровати, большие окна и так далее.

— И слуги у тебя поэтому большие? — спросила девочка.

— Конечно!

— И ты спишь в этой огромной кровати?

Кровать у маркиза и впрямь была огромная — просто аэродром какой-то.

— Да. Кроме того, тут есть ещё один плюс. В эту кровать со мной можно положить Ивана Ивановича с Марьей Петровной.

— Зачем?

— Чтобы теплей было. Понимаешь, люблю тёпленькое. А от них знаешь сколько тепла! И со стульями так же. Они на них посидят и нагреют, а потом уж я сажусь.

— Как же ты узнаешь, когда стул уже нагрелся?

— А как они встанут, значит, нагрелся уже. Слуги у меня в этом хорошо разбираются.

— Да, здорово ты тут себе всё устроил.

— Не то слово! Знаешь, мне порой кажется, что весь мир специально устроен так, чтобы мне лучше жилось. Солнышко всходит и заходит, ветерок дует, птички поют... Я знаешь как люблю на птичек смотреть!

Они шли по просторным залам с высокими потолками, огромными висячими лампами. А за окнами и впрямь весело щебетали птички.

— Всё для тебя одного? — с сомнением переспросила Ульрика.

— Ну, не совсем для одного. Есть ведь ещё и королева.

— Да, мне Старый Лис говорил про вашу королеву. А где она живёт и что делает?

— Живёт она далеко, за посёлком Клириков.

— Лирикиов?

— Да нет же! Кли-ри-ков. Лирики тут рядом живут, а клирики подальше. Что делает? Да ничего не делает. Сидит в своём замке... Честно говоря, даже не знаю, чем она там занимается. Давным-давно про неё ничего не было слышно.

— Я, конечно, слыхала, что все короли и королевы ужасные бездельники, но ваша, выходит, совсем лентяйка. Ведь плохо же ничего не делать.

Маркиз Кусолиз замахал руками в бархатных перчатках:

— Что ты! Что ты! Совсем наоборот. Это простым людям вредно ничего не делать. А короли чем ленивее, тем лучше. Ведь если они начинают что-то делать, от этого подданным один вред. Подумай сама: указы, распоряжения, требования, правила. От этого с ума сойти можно. А войны? А ремонт? Чем меньше правитель правит, тем подданным легче. Вот у тебя в стране как это устроено?

Ульрика и правда припомнила, как у неё дома под окном что ни год, то заменяли бордюры вдоль дороги. Приходили работники, выковыривали прошлогодние бордюры, а потом на их место ставили новые. Но не сразу, а эдак месяца через полтора, так что пол-лета улица была похожа на раскопки древнего города. Когда жильцы выходили ругаться, рабочие лишь пожимали плечами: «Распоряжение администрации».

И точно так же каждый год обпиливали деревья во дворе. Так что они становились всё короче и короче, пока не превратились в какие-то пеньки. Папа ещё говорил, что со светофорами и заборами в городе какая-то путаница постоянно творится...

Тут Уля вспомнила про папу и, чтобы не загрустить, спросила маркиза:

— А как ты тут развлекаешься?

Кусолиз озорно прищурил глазки:

— О! Это я умею делать по-настоящему, по-маркизски! Хочешь, я возьму тебя на охоту?

— На охоту? Сейчас?

— Конечно! Мы будем охотиться прямо в стенах этого замка.

— На кого же тут охотиться?

— Увидишь, — таинственно сказал Кусолиз и, приложив палец к губам, поманил девочку за собой.

Они на цыпочках двинулись по коридору замка. Маркиз ступал совершенно бесшумно, Ульрика тоже старалась не шуметь. В Розовом замке стало совершенно тихо. Даже птицы за окнами как будто смолкли. И от этой осторожности и таинственности девочке стало немножко не по себе. Они дошли до места, где коридор делал резкий поворот, и остановились возле угла.

Маркиз показал на ухо, и Ульрика стала прислушиваться. Действительно, оттуда, с той стороны коридора, скрытой за поворотом, донеслись приближающиеся мерные звуки. Кусолиз сделал страшные глаза и тихо вытащил шпагу из ножен. Девочке стало ещё тревожнее. Она прикрыла рот ладонью, чтобы не вскрикнуть, и изо всех сил слушала, что же это за звуки. Вскоре стало ясно, что это тяжёлые шаги. Всё ближе, ближе.

Казалось, вот сейчас уже существо должно показаться из-за угла, но это был обман слуха. Шаги не прекращались, а только становились громче и отчётливее. Ждать становилось просто невыносимо... И тут Кусолиз скомандовал:

— Вперё-о-од! — и выскочил из-за угла.

Ульрика, не успев хорошенько подумать, бросилась за ним. За поворотом было что-то громадное. Пойдите, так ведь это Марья Петровна!

А маркиз уже подбежал к ней и кольнул её шпагой в ногу.

— Ха-ха! Получи, служанка! Ату нищегородов! — закричал маркиз.

Ульрика совершенно растерялась и не знала, что ей делать. Марья Петровна, похоже, тоже была несколько ошарашена, но шпага маркиза не пробила её толстенный вязаный чулок.

— А теперь бежим! — скомандовал маркиз Ульрике и устремился мимо служанки в глубь коридора. Девочка бросилась за ним.

— Разыщем Ивана Иваныча! — кричал бежавший впереди маркиз, потрясая шпагой.

— Зачем? — выдохнула запыхавшаяся Ульрика.

— Чтобы сразить его!

Кусолиз забежал за поворот, но тут же как-то странно вякнул, послышалась возня. Ульрика остановилась, а из-за угла появился Иван Иваныч. Причём он тащил за шиворот Кусолиза. Вид у маркиза был присмиривший. И шпага была уже в ножах.

Не обращая на гостью никакого внимания, Иван Иваныч проследовал вместе с маркизом по коридору, потом вниз по лестнице. Ульрика пошла за ними, едва поспевая за широкой поступью слуги-великана.

Иван Иваныч притащил маркиза в гостиную, положил на кресло у камина и ушёл по своим делам. Ульрика подошла. В отблесках пламени вид у маркиза был задумчивый, даже философский. — Что это было? Ты зачем напал на собственных слуг? Нашёл на кого охотиться!

— Много ты понимаешь! Охота испокон веков считалась у аристократов самой почётной забавой. И только самые властительные князья могли себе позволить охотиться на собственных подданных. Мы — едоки, они — наш корм. Дракула, как ни крути, всё-таки был граф...

Кусолиз вздохнул.

— А то, что тебя вот так сюда притащили, это тоже почётное дело?

— Это часть игры...

— И это тоже ради тебя делается?

— Ага. Чтобы я становился смиреннее. Кротость — добродетель монархов.

— Неужели это так принято у маркизов, чтобы слуги таскали вас туда-сюда, складывали куда придётся?

Маркиз долго задумчиво глядел на камин, прежде чем ответить:

— Что поделывать! Люблю я их, слуг-то моих. Хоть и ведут себя порой не как подобает. Привык. Куда они пойдут из этого дома? Пусть уж живут, какие ни на есть.

У камина было хорошо. Но девочке снова вспомнилась мама.

— Скажи, маркиз Кусолиз, а ты не знаешь, где разыскать тудырочку? Тут у вас, в Пододеялии, хорошо но мне ведь домой надо.

— Нет, не знаю, — ответил маркиз. — Я от замка ведь далеко не ухожу. Нельзя мне без вотчины. А вот вечером придёт ко мне один гость, так у него и спросим.

За окошком стемнело, и вдали послышался волчий вой, тоскливый и протяжный. Ульрика вздрогнула, а Кусолиз встрепенулся:

— О! Это, наверное, он.

И Ульрике стало ещё страшнее. Дверь в каминный зал открылась, и на пороге стала видна фигура волка. Правда, это был не простой волк, не такой, как в зоопарке. Волк стоял на задних лапах и был одет в синие штаны, жёлтую рубашку и малиновый жилет с фиолетовыми полосами. На левой коленке у него была ярко-красная заплатка.

— Здравствуй, Кусолиз! Я смотрю, у тебя гости! — сказал Волк, прошёл и галантно раскланялся.

— Знакомься, это Ульрика, моя помощница, — сказал маркиз.

— Очень приятно. А я Волк, — сказал гость и, приблизившись к Ульрике, спросил: — А нельзя ли вас пригласить на свидание со съеданием?

Ульрике такое приглашение показалось не слишком заманчивым, а хозяин дома поспешил добавить:

— Полно тебе! Сейчас нам как раз ужинать подадут. Эй, есть там кто? Ужинать пора!

Через пару минут в комнату вошла Марья Петровна, бормоча что-то невнятное, но, кажется, не слишком лестное для маркиза, и принесла еду. Перед Ульрикой, Волком и Кусолизом оказалось по большой миске каши. Ульрика была голодна и поспешила отведать ложечку, но никакого вкуса не ощутила.

— Постой! — сказал маркиз. — Ведь еда ещё не приготовлена.

— А кто сегодня будет готовить? — поинтересовался Волк.

— Сегодня, так и быть, угощаю я! — сказал хозяин.

Ульрика оглянулась по сторонам, но никто не вошёл с подносом, и Волк с Кусолизом не двинулись с места — всё так же сидели перед своими тарелками с той же кашей.

Тем временем маркиз продолжал:

— Сегодня у нас на ужин суперколомки и тореро-паэлья!

Ульрика подумала: «Да уж, я бы сейчас чего-нибудь поела...»

А Волк облизнулся и сказал:

— Была у меня как-то встреча с Колобком.

— На первое — суперколомки! — объявил Кусолиз. — Вымытые брокколи и цветную капусту

опускаем в кипящую с солью воду и оставляем вариться на медленном огне. Растапливаем масло или маргарин...

— А у нас что? — вставил Волк.

— Пусть будет маргарин: масло дорого сейчас. Так вот, растапливаем маргарин в сковороде и всыпаем панировочные сухари. Вынимаем брокколи и цветную капусту из кастрюли, кладём на тарелку и сверху посыпаем золотисто-жёлтыми сухарями.

— Ух ты, здорово! — воскликнул Волк.

После этого он и Кусолиз схватили ложки и кинулись уплетать кашу. Ульрика тоже попробовала, но каша осталась точно такой же, как и была, — безвкусной и пресной.

А Волк тем временем съел полтарелки и похвалил:

— Вот так коломки! Здорово. Теперь свою тореру давай.

— Тореро-паэлья! — снова объявил маркиз. — Мелко нарезаем очищенный лук, а вымытую и очищенную морковь — крупно. Стручки перца разрезаем пополам, удаляем семена, промываем и нарезаем полосками. Вместе с мелко нарезанным луком бросаем это всё в разогретое на сковороде масло. Добавляем рис, овощи, томатную пасту...

— Вку-уснота! — взвыл Волк и снова набросился на кашу.

Маркиз пытался его остановить — куда там! Волк съел всю свою порцию.

— Ну вот. Не дал приготовить как следует, — вздохнул хозяин.

— Ничего, — ответил Волк, блаженно прикрывая глаза. — И так вкусно было. А теперь пусть она нам десерт приготовит.

— Так ты ж всё съел.

— Ничего. Я так зажмурюсь и представлю. Десерт должен быть лёгким.

Хозяин и гость повернулись к Ульрике. Та сидела в недоумении.

— Давай. Что же ты? — сказал маркиз.

Ульрика решила, что так уж надо, и, стараясь попасть в тон маркиза, громко произнесла:

— Компот малиновый! Понадобится: один стакан, одна чайная ложка, вода питьевая, малина замороженная, сахар (не тростниковый). Берём стакан, наливаем в него воды, кладём туда малину, добавляем три ложки сахара и с очень большим удовольствием пьём.

Маркиз и Волк зажмурились и как будто даже проглотили что-то. Потом Волк вдруг закашлялся.

— Ложкой подавился, — объяснил он.

Между тем Ульрика ещё немного поела пресной каши и вроде немного насытилась.

Гость с хозяином тоже были довольны. Маркиз откинулся на спинку стула и затянул свою любимую сказочно-аристократическую песню:

Закуси! Сразу после винца...
Закуси! Как дополь до конца...
Бабуськи! Как мне повезло...
Ягуськи! Всему лесу назло...

— Так у вас тут и Баба Яга есть?
— Не Баба Яга, а Баба ЯГЭ. Её все дети боятся. Так и живут в страхе, пока не вырастут. Взрослых она не трогает,— пояснил Волк.

Немного ободрившись и осмелев, Уля спросила Волка:

— А вы не знаете, где мне разыскать тудырочку? Очень уж мне домой хочется.

— Это ты зря,— сказал Волк.— У нас тут хорошо.
— Правильно,— подхватил Кусолиз.— Смотри, как тепло, уютно.

— Тепла и уюта мне и дома хватало,— вздохнула Ульрика.— А вот папы с мамой у вас нет. И друзей моих тоже: Саши да Илюши. А ещё котика моего Феденьки.

— Да, в гостях хорошо, а дома лучше,— согласился маркиз.

— Хорошо, когда свой дом есть,— кивнул Волк.— А тудырочку надо в королевском дворце искать. Все дороги туда ведут.

— Дорогой маркиз, а ты мог бы меня туда проводить?— спросила Уля.

— Я могу!— оживился Волк.— Я сам королеву повидать не прочь!

— Нет, с тобой, Волк, я не пойду. Уж больно ты приставучий.

— Возьмите меня!— взмолился Волк.— А то мне одному скучно.

— Ладно уж,— сказал маркиз Кусолиз.— Отведу я тебя, Ульрика, к королеве. Долг платежом красен. Ты мне помогла домой вернуться, и я тебе помогу. А Волк пускай нас до леса проводит. Только из моего замка нам надо тайком выбираться. А то Иван Иванович и Марья Петровна меня не выпустят.

— Разве ты не хозяин им, и они тебе не слуги?

— Да, но мы в ответе за тех, кого приручили...— загадочно ответил Кусолиз.

5. Снова в путь

Едва лучи утреннего солнца пробились сквозь кремовые шторы, которыми были занавешены окна Розового замка, Ульрика и Кусолиз тихо-нечко выскользнули из своих кроватей. Кусолиз при этом не потревожил раскатысто храпевших Ивана Ивановича и Марью Петровну. Похоже, у него в этом был большой опыт.

— Эх, жалко, завтрак пропустим,— вздохнул маркиз.

— Ничего. Я кое-что припасла,— успокоила его Уля.

Они осторожно открыли скрипучие ворота и выбежали на улицу. Раннее утро было свежим, даже немного зябким. Но девочка— вот так чудо!—

спова обнаружила на ногах тапочки. Пели ранние сташки, над полянами клубился туман.

— Свобода!— пискнул Кусолиз и кинулся валяться по траве и нюхать цветочки.

— Идём скорее,— поторопила его девочка.— Как бы нас не поймали.

— Меня? Да маркиза Кусолиза, повелителя Розового замка, никто ни за что не поймает...— сказал маркиз и тут же поспешно прибавил, вспомнив вчерашнюю неудачную охоту:— Если он сам того не захочет.

Всё же надо было спешить. Волк уже ждал их под кустом.

— За мной,— скомандовал он и на четырёх лапах потрусил по дорожке, пригибаясь к земле, прячась в тени заборов и в придорожной траве.

Путникам предстояло спуститься к реке, перейти через речку и вступить в лес, за которым на склоне холма располагался посёлок Лириков.

Ульрика не уставала любоваться необычными домиками посёлка Физиков, сделанными из каких-то труб, колёс, кусков загадочных аппаратов. Над одной грядкой с луком даже красовался старый выцветший плакат: «И на Марсе будут яблони цвести!» Возле грядки кто-то ходил с лейкой.

— Ой, смотрите! Смотрите! Это же робот!— с восторгом шепнула она Волку.

— Конечно,— ответил Волк.— Тут один профессор жил, так он разрабатывал проект освоения космоса. Специальных роботов к этому готовил. Ну а как проект свернули, так он приспособил своих роботов грядки себе поливать. Профессор уж помер давно, а лучок— ничего, подрастает. Хоть на рынке продавай.

Оградки кончились, кончился посёлок Физиков. Дорожка заметнее пошла под уклон. Нужно было идти осторожнее, чтобы не поскользнуться на мокрой от росы траве. Повеяло влагой, а потом послышался и шум реки.

За пределами посёлка Волк стал куда смелее. Он уже не прятался, не пригибался к земле и шёл не на четырёх лапах, а на двух, как и полагается сказочному волку.

— Вот сейчас переправимся через речку—и дома,— сказал он и зачем-то облизнулся.

— Ну, это ты дома, а нам с девочкой ещё до посёлка через лес идти,— сказал Кусолиз и накиннул свой плащ на плечи Ульрике, чтобы не зябла.

Речка была небольшая, лесная, но бойкая, с пенной возле торчащих из воды камней, с кружащимися листьями и веточками.

— Может, по камушкам перескочим?— предложил маркиз.

— И-и,— махнул лапой Волк.— Поскользнётесь! А вода тут ледяная. Пойдёмте, я вам лучше переправу укажу.

И они пошли по берегу, причём берег был такой топкий и болотистый, что порой ноги вязли

в грязи. Кусолиз фыркал и постоянно отряхивал свои ботфорты.

— Уж не завёл ли ты нас в трясиину? — с тревогой крикнул он.

— Да нет же! Скоро будет мост, — отозвался Волк.

И правда, чуть ниже по течению находился поросший мхом мостик, под которым устроил своё жилище бобёр.

— А как эта речка называется? — поинтересовалась Ульрика у Волка.

— Кач-кач.

— А почему?

— В честь мостика, — усмехнулся Волк.

И правда, стоило путникам ступить на мост, как доски застонали и задрожали под ними. Ульрика предложила переходить по одному. Волк согласился и вызвался идти первым.

— Погоди! — сказал ему маркиз и достал из походной сумки небольшой кочан капусты.

— Это ещё зачем? — удивились Волк с Ульрикой.

— Так надо, — сказал Кусолиз. — Что-то было такое про переправу, про волка и про капусту.

И маркиз принялся руководить. Сперва он потребовал, чтобы Волк перенёс на тот берег кочан капусты и потом вернулся. Потом он послал на тот берег Ульрику, чтобы она встретила Волка и отдала ему кочан. Потом Волк должен был перенести капусту назад Кусолизу. Потом Кусолиз с капустой перешёл по мосту на тот берег. А за ним уже переправился Волк.

И вот они, совершенно сбитые с толку, оказались на том берегу.

— А теперь, Волк, ты бери капусту и... — задумчиво сказал Кусолиз.

— Э нет! — испуганно замахал лапами Волк. — Больше я в эту капусту с вами не играю! Даже девочку есть расхотелось...

Волк испуганно прикрыл лапой рот, а маркиз сказал:

— Ну а раз расхотелось, то и иди себе на здоровье. Только капусту не забудь.

Волк на последних словах маркиза очумело бросился в кусты и исчез.

— Ну ладно, — сказал Кусолиз, — а мы тогда перекусим. Доставай, чего ты с собой взяла.

Противоположный берег реки был усыпан камушками. Солнце уже поднялось высоко, и от разогревшихся камней шло тепло. Путники поели, помыли и высушили обувь, отдохнули и стали думать, куда идти дальше.

— Эх, жалко, Волк убежал. Кто нас через лес поведёт? — вздохнул маркиз.

— Нет уж, — решительно заявила Ульрика. — В лесу нам Волк не попутчик. Сами разберёмся. Ведь посёлок Лириков находится на склоне? Значит, будем подниматься вверх.

Маркиз похвалил Ульрику за присутствие духа, и они отправились в путь.

Когда Ульрика смотрела на этот холм издали, из посёлка Физиков или с крыльца Розового замка, он казался ей не таким уж высоким, а лес на нём не таким уж густым, но сейчас почему-то чаща становилась всё непролазнее, деревья стояли всё плотнее, а их густая листва пропускала всё меньше солнца. Даже птицы тут пели как-то тревожно, словно пытались о чём-то предупредить.

Ульrike и Кусолизу стало страшновато, но они старались не показывать это друг другу. Вдруг в отдалении затрещали ветки, и между стволами мелькнуло что-то большое и белое.

— Ой, что это? — вскрикнула Ульрика. — Привидение?

— Лучше бы привидение, — проговорил Кусолиз.

И тут за деревьями затрещало, зарычало, и к путникам потянулись длинные лапы с кривыми когтями.

— Это же... это же... белые каряблики! — дрожа, вскрикнул маркиз.

— Кто-о?

— Вот покарябают тебя — будешь знать кто! Спасайся!

И Кусолиз бросился в чащу. Ульрика побежала в другую сторону, туда, где среди деревьев мерещился просвет. А сзади всё рычало, всё ревели, всё скрежетало и слышалось завывание или пение: «Белые каря-аблики, белые каря-аблики...»

Но вот девочка выскочила на большую поляну. Тут было гораздо светлее и даже как будто спокойнее. Шум за спиной затих, и птички запели веселее. Под ногами росли цветы. Ульрика перевела дух. Похоже, страшные каряблики остались где-то в чаще.

Сперва девочка встревожилась за Кусолизу, но вспомнила его слова: «Никто не может пойма́ть маркиза», — а также как он ловко лазает по деревьям, и немного успокоилась. Кроме того, мысли Ульрики отвлекли появившиеся на поляне незнакомцы.

6. Новые знакомые

Их было двое. Один — высокий, худой, другой — невысокий, упитанный. Они оживлённо о чём-то разговаривали, и высокий постоянно наклонялся к низкому и потому был похож на согнутый пасуший посох.

— Да нет же, я тебе говорю: колобок обозначает солнце, а звери — планеты, — говорил один.

— А я тебе говорю, что колобок — это Иисус Христос.

Они были совсем не похожи на белых карябликов и, кроме того, похоже, не замечали ничего вокруг, увлечшись своим спором. Поэтому Ульрика без страха окликнула их:

— Здравствуйте!

Двое спорщиков усталились на девочку. У них были длинные волосы, очки и какие-то толстые вязаные свитеры чуть не до колен.

— Ты кто такая, — спросили они, — эпифора или анафора?

Про таких сказочных существ Уля ничего не знала и потому ответила:

— Я Ульрика. Меня не надо кушать. А вы кто?

Оказалось, что двух незнакомцев зовут Фыва и Олдж и что полненькая Фыва — тётенька, а тощий ушастый Олдж — дяденька. И ещё что оба они — из посёлка Лириков. Отправились в лес, да за разговором забыли, куда шли.

— Тогда проводите меня, пожалуйста, в посёлок, — попросила Ульрика.

— Хорошо, — сказала Фыва. — Но сперва загадай нам загадки.

Девочка подумала, что ослышалась. Ведь в сказках за услугу обычно приходилось разгадывать загадки, а не загадывать их. Но оказалось, что в этой сказке всё не так.

— Мы очень любим отгадывать загадки и вообще всякие игры со словами. Поэтому загадай нам загадку, — сказал Олдж.

Ульрика подумала секундочку и загадала первое, что пришло в голову:

— Красная девица сидит в темнице, а коса на улице.

— Ну, это просто. Морковка! — сказала Фыва. — Давай что-нибудь потруднее.

Ульрика постаралась припомнить самую трудную загадку, которую знала:

— У барыни семьдесят семь платьев, выйдет на улицу — спина гола.

— И эту мы знаем. Это курица, — ответил Олдж.

— Из книжки «Русские народные загадки, пословицы и поговорки», — прибавила Фыва.

Ульрика растерялась: что же придумать? Похоже, новые знакомые и впрямь все загадки знают! И тут она вспомнила один случай из своего детства...

— Ставил, ставил — не поставил!

Фыва и Олдж выпучили глаза и замерли как заколдованные. На поляне стало так тихо, что, казалось, можно было услышать, как далеко в чаще скребутся невиданные звери.

— Эт-то... эт-то... — медленно заговорила Фыва.

— Это... это... — быстрее стал повторять Олдж.

Они прижали пальцы ко лбу (причём каждый прижал палец к чужому лбу) и стали вместе расхаживать по поляне.

— Это фильмы Германа!

— Это голос Киркорова!

— Нет! Нет! — весело отвечала Ульрика.

Про Германа она и слыхом не слыхивала. А Киркорова хоть и слыхивала на мамином айфоне, но загадка уж точно была не про него.

— Я не знаю, — растерянно сказала Фыва.

— И я не знаю, — присоединился Олдж.

— Эх вы, лирики! Это же колготки, — объявила девочка.

Фыва и Олдж на секундочку задумались, а потом расхохотались.

— А ведь правда! — сказали они и хлопнули друг друга по лбу. — Хорошо, отведём тебя в наш посёлок.

— Ура! — обрадовалась девочка. — А по дороге тоже будем во что-нибудь играть?

— А то как же! — сказала Фыва.

— Для нас вся жизнь — игра, — подхватил Олдж.

— Будем играть в наоборотки, — объявила Фыва. —

Надо выдумать такое слово, которое при постоянном повторении превращается в другое слово, пусть даже и непонятное, и сказать это второе слово, а мы должны угадать первое...

— Ничего не понимаю, — замотала головой Ульрика.

— По дороге поймёшь, — утешила её Фыва, и они пошли.

— Ну вот, например, если быстро повторять слово «ладья», то что получится? — спросил Олдж.

Ульрика повторила несколько раз про себя: «Ладья, ладья, ладья...»

— По-моему, ничего не получится. Так и будет «ладья».

— А вот и не угадала! — обрадовалась Фыва. — Получится «одеяло». Это официальная наоборотка нашей страны.

— Или вот... — продолжил было Олдж.

— Нет уж! Теперь я, — перебила его Фыва и обратилась к девочке: — Как думаешь, что означает «кас»?

Ульрика на этот раз постаралась получше и быстро зашептала:

— Каскаскас... — и догадалась: — Сказка!

— Молодец! — похвалила её Фыва. — А ну-ка попробуй сама.

Ульрика задумалась, побормотала про себя, а потом заявила:

— «Лежите»!

Фыва и Олдж тут же кинулись на траву.

— Да нет, — пояснила Уля. — Это наоборотка такая: «лежите». Угадывайте.

Тогда её спутники поднялись и дружно затараторили:

— Лежителижителижители...

— Я понял! Будет «жители», — первым выкрикнул Олдж.

— Он играет в наоборотки лучше всех в посёлке, — пояснила Фыва.

— А может, и лучше всех в стране, — скромно заметил Олдж.

— Королеву тебе ни за что не обыграть, — сказала его спутница и показала язык.

Так, разговаривая о том о сём, они и добрались до посёлка.

7. В посёлке Лириков

Лес закончился, под ногами у путников оказалась дорожка, а над дорожкой от дерева к дереву была протянута вывеска: «Посёлок Лириков. Добро пожаловать!»

Здесь было много зелени, много деревьев, на некоторых участках даже были небольшие рощицы. На других участках, наоборот, всё было аккуратно пострижено, а посреди двора красовались клумбочки с цветами и даже фонтанчики.

— А почему тут лес? А почему фонтаны? — интересовалась всем Ульрика.

— Лес — это для уединённых раздумий, для поиска вдохновения, — объяснила Фыва.

— А фонтаны — потому что председатель дядя Боря однажды решил всем на зависть превратить наш посёлок в посёлок фонтанов. И это ему удалось! У нас их аж четыре. Ни в одном посёлке во всей Пододеялии столько нет, — прибавил Олдж.

— А кто здесь живёт?

— Здесь живут два народа: дюди и люли. Вот я — дюдь, — сказал Олдж.

— А я — люлий, — сказала Фыва.

— Но есть древнее пророчество... — загадочно произнёс Олдж.

— Какое?

— Что люлий будет дюдь.

— Дюль будет люлий?

— Вот именно. Ну, пошли дальше.

Фыва и Олдж привели девочку к дому с большим балконом. Балкон был такой большой, что казалось, будто он вот-вот перевесит и дом вырвётся вверх тормашками. На балконе сидели какие-то дед и бабка.

— Вот это наш председатель, дядя Боря, — сказал Олдж Ульрике.

— А почему у него лицо зелёное?

Но дядя Боря уже заметил гостей и услышал, что они говорят.

— А это потому, что я — Фантомас, — крикнул он с балкона.

Ульрика видела фильм про этого неуловимого бандита в зелёной маске. Папа показывал. Там ещё такой смешной инспектор полиции Фантомаса ловил. А вот сам Фантомас был страшноватый. Но дядю Борю Ульрика не испугалась. После белых карябиков ей вообще было теперь ничего не страшно.

— Ну, поднимайтесь к нам! — крикнул дядя Боря. — Мы как раз с моей бабкой кашу с молоком едим.

— А дом не упадёт? — спросила Ульрика.

— Что ты! Я же сам его строил, — сказал председатель и махнул рукой. — Заходите!

И вот они впятером кое-как расселись на балконе за круглым столиком, а бабка подала всем тарелки. Уле досталась с грибочком на краю.

— Ты, конечно, хочешь спросить, почему это я Фантомас? — благодушно спросил дядя Боря.

Девочка кивнула, но больше из вежливости: на Фантомаса председатель был совсем не похож. — Так вот, — продолжил старик, — было это у самого синего моря. Лежу это, значит, я на песке... Эй, бабка! Ты что же это мне ложку не подала?

Фыва толкнула Ульрику локтем и шепнула:

— Смотри, что сейчас будет.

— Ох, прости, родненький! Сейчас подам, — испугалась старуха.

— Это я тебе сейчас дам! — крикнул дядя Боря, вскочил весь красный и с размаху стукнул супругу кулаком.

Бабка только охнула, и вдруг по полу покатились два арбуза. И откуда они только взялись?

— Держи их! — закричал председатель и первый бросился ловить.

— Ура, арбузики! — крикнули Фыва и Олдж.

А арбузы запрыгали куда-то в дом...

Поднялась невообразимая суматоха. Но Уля решила не спешить, сперва доела кашу, так как сильно проголодалась. Между тем арбузы закатились под кровать, и все уже скрипели этой кроватью, двигали её. Наконец арбузы были спасены, вымыты и поданы на стол. Компания была снова в сборе.

— Расскажи девочке ещё что-нибудь, — предложила бабка супругу.

— Что бы ей такого рассказать?.. — почесал в затылке дядя Боря.

— Сказку! — попросила Ульрика: она так любила сказки.

— Ну хорошо. Э-э... Жили-были два мышонка, и вот однажды пошли они на речку купаться. Э-э... И там от них уплыло полотенце.

— Про мышат мне неинтересно, — сказала Уля. — Я же не маленькая совсем.

— Ну, давай я тогда тебе расскажу сказку про Петю и Машу.

— Хорошо.

— Э-э... Жили-были два мышонка. Звали их Петя и Маша. И вот однажды пошли они на речку купаться. И там от них уплыло полотенце.

— Да что же это такое? — осмелела девочка (она умела капризничать, когда была не в духе). — Хочу волшебную сказку!

— Ну хорошо, хорошо. Хочешь сказку про Последний Бой Невообразимого Принца?

У Ули загорелись глазки:

— Конечно, хочу!

— Э-э... Жил-был мышонок. Звали его Невообразимый Принц. И была у него собака, которую звали Последний Бой. И вот пошли они как-то на речку купаться. И там от них уплыло полотенце.

У Ульрики даже аппетит пропал от обиды. А может, просто она уже наелась.

— Подскажите мне хотя бы, где мне тудырочку найти? Волк говорил, что она где-то у королевы, а Старый Лис — что её в вашем посёлке искать нужно.

— Ты его побольше слушай, — сказала Фыва. — Одно слово — физик. Что они там могут понимать?

— Как что? Лис говорил, что физики умнее и нужнее лириков.

— Ерунда,— солидно сказал дядя Боря.— Физики только средства изобретают, а цели определяют лирики.

— Так уж заведено,— поддакнула ему бабка.

— Значит, тудырочки у вас нет?

— Значит, нет,— вздохнул дядя Боря.— Можно ещё у клириков поискать, это тебе всё равно по дороге будет. Однако лучше всего прямо к королеве отправляться.

— Да, но сперва пускай решит спор наших поэтов!— сказал Олдж.

— Правильно!— разом сказали все (кроме Улькири).

8. Соревнование поэтов

Все вскочили со стульев ещё резвее, чем когда ловили арбузы, и потащили Улькиру за собой.

— Но почему я?— пыталась возражать девочка.

— Да потому что писателей у нас тут пруд пруди, а читателей днём с огнём не сыщешь. Все только пишут, а читать некогда. Да и поэтам друг друга слушать тоже неинтересно. А тут такая удача: живой слушатель!— объяснили ей.

Вся компания, подхватив девочку под руки, трусцой проследовала к небольшой открытой площадке, на которой был сооружён деревянный помост. Над помостом возвышался плакат с надписью: «Поэтический турнир имени Гдежекрукжина». — Кто такой этот Гдежекрукжин?— спросила Улькирика.

— О, это очень знаменитый поэт. Гдежекрукжин— наше всё,— сказал Олдж.

— А я вот про него не слыхала,— вздохнула Улькирика, которая вообще-то гордилась своими познаниями в поэзии: Барто, Маршака, Чуковского она читала сама и знала многие их стихи наизусть, а про Маяковского, Некрасова, Рождественского ей папа говорил.

Что ещё за Гдежекрукжин?

— Вообще, он знаменит в основном у нас в посёлке,— утешила девочку Фыва.— Но это огромная историческая несправедливость.

Улькирике отвели почётное место в качестве главного судьи.

— А это всё поэты?— шепнула она, кивнув на собравшуюся толпу.

— Лирики,— подтвердили Фыва и Олдж.

— И они все будут соревноваться?

— Нет, только те, кто успел заявку заполнить и кто ведущим нравится.

Между тем ударил гонг, заиграла плохая музыка, и на сцене оказалась тётянька в пёстрой юбке. Она принялась плясать, а все ждали, когда это закончится. Наплясавшись, тётянька объявила начало соревнования, и на сцену поднялись первые два соперника. Один с бородой, другой с усиками.

Тётянька подскочила к участнику с бородой и попросила:

— Расскажи о том, как ты ненавидишь своего сегодняшнего соперника!

Бородатый дядя с грустными глазами пожал плечами и ответил:

— И вовсе я его не ненавижу. Чего мне его ненавидеть?

— Ну скажи ему что-нибудь обидное!— не унималась тётянька.

— Зачем она это делает?— шепнула Улькирика Фыве.

— Это она хочет, чтобы состязание веселее прошло. А то уж очень скучно в прошлый раз было. Вот она и надеется, что если поэты подерутся, то всем сразу интересно станет. У нас в прошлом году один поэт другому на улице на ногу наступил, так про это до сих пор разговаривают.

Между тем бородатый всё мялся и не желал обзывать усатого.

— Ну ладно. Давай уже выступай,— вздохнула тётянька в цветастой юбке.

Бородатый закатил глаза к небу и начал:

Себе я ногу почешу
И о любви своей скажу.
Моя любовь так глубока,
И сильно чешется нога.

Я про чесание ноги
Сегодня сочинил стихи...

Бородатый продолжал читать в том же духе, а Уля между тем обратила внимание, что все собравшиеся не смотрят на сцену, а пишут что-то в своих блокнотах.

— Что они делают?— спросила она Фыву.

— Чего?— переспросила Фыва, закрывая свой блокнот.

— Что это вы все делаете?

— Стихи сочиняем.

— А почему вы этого дядьку не слушаете?

— Если бы он мои стихи прочитал, я бы послушала. А с какой стати мне его стихи слушать? У меня свои в сто раз лучше.

— А почему ты тогда не выступаешь?

— Меня не звали.

— Почему?

— Меня ведущая не любит.

— А что, без любви в этом деле никак?

— Никак. Любовь правит миром.

Бородатый закончил читать поэму о чесании ноги, и ведущая подскочила к усатому конкурсанту:

— Скажи, что бы ты хотел сделать со своим соперником?

— А можно я просто стихи почитаю?— взмолился он.

— Слабак! Чтоб ты проиграл. Ладно, читай свои стихи.

Усатый вдруг ожил, приободрился и заговорил, обращаясь к публике:

— Я считаю, что так называемый классический способ стихосложения давно устарел. Надо писать что-то совершенно новое, экспериментальное, современное. Долой рифму! Долой линейный сюжет!

Народ отвлекся от своих блокнотиков и удостоил выступающего взорами. Тот воодушевился этим вниманием и затараторил:

Себе я ногу почешу!
Себе я ногу почешу!
Себе я ногу почешу!
Себе я ногу почешу!

Себе я ногу почесал!
Себе я ногу почесал!
Себе я ногу почесал!
Себе я ногу почесал!

— Почему он вместо стихотворения просто один и те же слова повторяет? — поинтересовалась Уля у Фывы.

— Борется за обновление поэзии. Подражает поэтам-футуристам.

— Что это за поэты такие?

— Сто с лишним лет назад были такие поэты.

— А зачем они оба про ногу читают?

— Про что же им ещё читать? — удивилась Фыва. — Самая благодатная тема. Остальное всё далеко, а за ногой далеко ходить не надо. Сиди дома и пиши про свою ногу. Или ещё про что. Можно про руку, про ногти свои писать. Много есть интересных тем для творчества. Про волосы можно. У меня вот как-то ячмень на глазу был, так я две книжки стихов ему посвятила.

Никто не слушал усатого. Тот покричал ещё немного с помоста и затих. Слово снова взяла тётенька в юбке:

— Сейчас по вашим аплодисментам мы определим победителя. Только, чур, второму не хлопать. Он — отстой.

В итоге получилось, что не хлопали никому. Затем обратились к Уле за решением.

Уле вообще тоже больше понравился бородатый: тот хоть в рифму сочинял; но ей стало обидно за усатого, и вообще она не любила несправедливость, так что она сказала, что пусть победит он. Тётенька в юбке сперва позеленела, потом побелела, потом покраснела, а потом объявила, что победил бородатый.

— Так зачем меня вообще сюда звали? Попросили сказать, кто победил, а потом выбрали другого, — обиделась Ульрика.

Но её не стали слушать. Тётя уже вызвала на помост следующую пару конкурсантов.

— О, сейчас будет интересно! — сказала Фыва. — Один будет читать стихи вообще без слов, а второй — без звуков. Это очень оригинально и придумано всего пятьдесят лет назад!

Но Ульрика не стала слушать, потому что она нерасстроилась. Девочка спрыгнула с почётного сиденья и пошла туда, куда показывал дорожный указатель с надписью «Посёлок Клириков».

9. Выше города плетень

Шла себе Уля по дорожке, шла и сперва увидела необыкновенную ёлочку. Сама ёлочка была сухая и выделялась рыжим цветом на фоне зелёных сестёр. А зато вершинка у неё была золотая — так и сверкала на солнышке. Из-за этой блестящей вершинки Уля не заметила, кто стоит под ёлочкой. А под ёлочкой стоял старый такой барашек. И барашек-то и оказался настоящим удивлением, ведь стоял он на двух ногах, да ещё и напевал что-то задумчивым таким дребезжащим голосом:

Бегали мы, прыгали с койки на койку,
Да стали по талонам соль и колбаса.
Вышли мы впрямьку делать перестройку,
Петь чужие песни на свои голоса.

Как взяли, повелись мы дорогами странными,
Велись да привелись, как я погляжу,
Я теперь владею в столице ресторанами,
Так поеду на море — полежу на пляжу...

Так душевно пел старый барашек, что Уля даже захлопала ему. Барашек обрадовался и посмотрел на девочку мудрыми глазами. Но это только мы с вами знаем, что глаза у него были мудрые, а Ульрика этого не знала, потому что барашек носил тёмные очки.

— Хотите, я для вас травки нарву? — предложила она, заметив, какой барашек старый.

— Ох, спасибо, внучка. Но мне в моём возрасте травку больше нельзя употреблять.

— Что же вы кушаете? — поинтересовалась Ульрика.

— А вот что, — загадочно сказал барашек и громко заблеял: — Обе-е-е-е-е-е-е-е-е-е-е-е-е!

Придорожные кусты зашуршали, и оттуда сами собой вышли плуг и мотыга.

— Опять оголодал? И сколько в тебя только лезет? — заворчали они, но, отрастив себе руки и ноги, принялись кормить барашка манной кашей.

— Хочешь? — спросил Улю барашек.

Но она была сыта, и кроме того, плуг и мотыга были такие сердитые, что девочка предпочла откататься.

А барашек поел манной кашки и спросил:

— Как тебя зовут, и куда ты, девочка, идёшь?

— Меня зовут Уля. А иду я в посёлок Клириков, а оттуда — к королеве.

— Что ж. Давай я тебя провожу.

И они пошли вместе.

— Зачем тебе к королеве-то?

— Хочу тудырочку отыскать, чтобы домой попасть.

— Э, для этого к королеве не надо ходить.

— Разве тудырочка не у неё?

— Тудырочка, сюдырочка. Есть другой способ. Вот тебе про него наша хозяйка расскажет.

Между тем они подходили к каменной горе.

— На этой горке—наш посёлок. В том посёлке— Святое место. А на нём—наша хозяйка. Она тебе и поможет.

И тут с вершины горы послышался волчий вой. Было сразу несколько волков. Уле стало и страшно, и любопытно: нет ли среди этих волков её знакомого?

Они с барашком стали восходить на горку, а она становилась всё круче, да ещё из каменной делалась железной. Вот по этому железу они с превеликим трудом забрались наверх. Там, наверху, стоял посёлок, а над ним, как арка, возвышался мост с ажурными перилами. На мосту стоял бык.

— Иди на этот мостик, дёрни быка за хвостик,— повелел барашек.

Ульрике не терпелось оказаться дома, поэтому она, хоть и устала, побежала на мостик, поднялась на него и приблизилась к быку. Вообще-то ей было страшновато подходить к быку.

— Можно?—спросила она быка.

— Не бойся!—крикнул ей снизу барашек.—Он хоть и с ушами и с языком, а ничего не слышит и не понимает!

Тогда Уля осторожно взялась за хвост и дёрнула. И тут бык взревел так, что у девочки уши заложило. Она бросилась бежать—вниз с моста, а бык всё ревел. Тогда в домах стали открываться двери, и под мост стали собираться жители посёлка: овечки и барашки, ослики да козлики.

— Кто звонил? Что стряслось?—говорили они.

А те, кто заметил Ульрику, спрашивали:

— Ты кто? Откуда?

— Я Уля. А вы клирики?

— Да,—загалдели они.

А один сердитый баран с разбитым лбом прибавил:

— Но общество клириков—это ещё не общество святых.

— Может, ты кушать хочешь? Мы мигом мотыгу и плуг позовём.

— Отведите меня лучше на Святое место.

— Ишь, чего захотела! Занято оно. Опоздала ты. Надо было тебе в четверг приходиться. А у нас сегодня опятьница.

— Опять опятьница! Опять опятьница! Семь раз на неделе!—загалдели клирики.

— Да погодите вы!—переблеял их старый баран.— Она и пришла к нашей хозяйке. Давайте отведём её куда надо, пускай госпожа решает.

— Пускай решает! Пускай решает!—загалдели клирики.

Ульрика оглядывалась по сторонам, но не видела ни одного волка. Ей было неприятно, что вот раньше она путешествовала как хотела и сама

решала, что делать, а вот теперь за неё должна решать какая-то госпожа.

— Но прежде, чем идти на Святое место, надо спеть специальную очистительную песенку,—сказал старый барашек.

— Правильно! Правильно!—согласились клирики.

И старый барашек запел специальную банную песню:

Пусть мне твердят, что есть места иные,
Что в мире есть иная красота,
А я люблю свои места родные,
Свои родные мыло я места!

— Вот теперь мы песенно очистились и готовы отвести эту девочку к госпоже,—объявил барашек.

Он нарядился во всё чёрное, потом позвал себе на подмогу ещё одного барана, уже закутанного в чёрную накидку, и они вдвоём повели Ульрику по улице посёлка. Вослед им неслось мелодичное блеяние клириков.

Наконец они подошли к плетню, такому высокому, что он, казалось, кидал тень на весь город. А на плетне том сидела... Сначала Ульрика приняла её за женщину в белом платье и золотой шапочке (из книжки она знала, что такие шапочки называют борушками), а потом оказалось, что это большущая моль.

— Здравствуй, госпожа Богомоль!—сказал барашек.

Второй баран молчал.

— Здравствуйте, барашки мои,—сказала моль.— А это кто у вас?

— А это у них я, Уля!—сказала девочка: ей надоело, что тут всё без неё решают и говорят.

— И чего же ты хочешь?—спросила госпожа Богомоль.

— Хочу вернуться домой!

— У-у, как нам вернуться домой?..—заблеял барашек, но моль его остановила и обратилась к Ульрике:

— Есть прекрасный способ попасть туда, куда пожелаешь...

— Какой?

И дальше моль стала говорить очень непонятно. Ульрика половину слов таких не знала, хотя считала себя очень умной и образованной девочкой. Что-то про «ритуал духовного созерцания», про «просветлённый разум, который открывает для себя новые функции», про «умерщвление плоти»...
— Погодите-погодите!—запротестовала Уля.— Какое ещё такое умерщвление? Это меня, что ли, вы умерщвлять будете?

— Зато ты, деточка, сразу попадешь в чудесный сад. Детей туда без вопросов берут.

— Ишь чего! Не хочу я в садик! Я там была уже. Ничего интересного: кашей овсяной кормят и спать заставляют среди дня!

— Много ты понимаешь! — обиделась моль. — Разум, освободившись от материального тела, начинает свободно впитывать в себя божественные энергии высших сфер. Полетишь себе на небо...
— Кушать котлетки?
— Девочка, я начинаю терпеть теряние, то есть терять терпение!
— А папа за мной в этот садик когда придёт?
— Когда очистительную песенку сто раз споёт.
— Так это мне долго придётся ждать! Мы с ним совсем другие песенки поём.

И Уля запела тоненьким голосом:

В моём городе родном
Жил весёлый мореходик,
Он мне сказку рассказал
Про страну подводных лодок

Уи ол лив ин э йеллоу субмарин!
Йеллоу субмарин!
Йеллоу субмарин!
Уи ол лив ин э йеллоу субмарин!
Йеллоу субмарин!
Йеллоу субмарин!

— Схватить её! — не выдержала моль. — Схватить и отправить на злобное место!

Уля испугалась и перестала петь. Старый барашек потянулся к ней передними копытами, но вдруг сзади щёлкнули зубы, и барашка не стало. Оказалось, что второй баран был вовсе не баран, а переодетый Волк, да ещё и тот самый! Он схватил Улю за руку, и они побежали вниз с холма, а в ушах у них хлопал то ли ветер, то ли крылья разъярённой госпожи Богомоли.

Ульрике было немного жалко барашка, которого съел Волк. Но он был уже очень старый. А кроме того, он, наверное, за свои муки уж точно попал в тот волшебный сад, где деньги с неба падают и сокровища валяются на земле...

— А я думала, ты — баран, — сказала Уля.

Теперь она уже ехала верхом на спине Волка.
— Ну, сутана из волка овцу не делает, — усмехнулся он в ответ.

10. Приглашение на бал

Наконец Волк попросил Улю слезть и пойти пешком.

— Наелся я слишком. Давненько так хорошо не закусывал. Даже тебя на свидание приглашать не хочется.

— А кого хочется?

Волк задумался.

— Королеву я бы пригласил, хоть это и нельзя... — задумчиво сказал он.

— А мы сейчас куда идём?

— К ней и идём. Во дворец. Уже недолго осталось.

— Волк, ты почему нас в лесу бросил? И куда маркиз Кусолиз подевался?

— Да он, наверное, давно во дворце. Там ведь этой ночью будут бал давать. А на балу будут давать пир, а на пиру...
— Понятно, понятно. Все у вас только про еду и думают.

— Это точно. Без еды — оно как-то не того.

— А вот мне бабушка говорит, что я плохо ем. Всё угощает меня и угощает...
— Может, познакомишь меня со своей бабушкой?

— Ишь чего выдумал! Думаешь, я «Красную Шапочку» не читала?

— Какую ещё такую шапочку? Расскажи!

И Уля стала рассказывать, правда, при этом ужасно запуталась:

— Жила-была девочка. Звали её Красная Шапочка. И вот однажды у неё заболела бабушка. И пошла Красная Шапочка к бабушке, чтобы поесть её вкусных пирожков со щавелём... или с ревенём. В общем, по дороге в лесу она встретила волка. А волк стал отговаривать её идти к бабушке. Но она не послушалась. Тогда волк захотел тоже проведать бабушку и предложил идти по разным дорожкам. И пошли они: волк — по длинной дороге, а Красная Шапочка — по короткой. А в это время с бабушкой уже что-то стало, наверное, от болезни. Вот пришла к ней Красная Шапочка, постучалась, вошла. А бабушка лежит в своей кровати. «Бабушка, — спрашивает Красная Шапочка, — почему у тебя такие холодные руки?» А бабушка ей и отвечает: «Дай я тебя обниму, руки и согреются». — «Бабушка, — говорит Красная Шапочка, — почему у тебя такие бледные щёки?» А бабушка ей отвечает: «Дай я тебя поцелую, щёки и разругаются...» Пришёл волк к бабушке, а Красной Шапочки уже и нет. Ушла, наверное.

Волку эта сказка не понравилась. У него от испуга даже шерсть дыбом стала.

— Ну и странные сказки ты рассказываешь. А я просто хотел к твоей бабушке в гости сходить, чтобы она и меня тоже пирожками угостила.

— Нечего, нечего к моей бабушке подбираться! Я лучше сама буду хорошо кушать.

Так они и дошли до дворца. Дворец у королевы был большой, белый, девятиэтажный. Он стоял на склоне горы, в окружении лесов, а чуть ниже его ворот был небольшой и уютный садик.

В этот садик Уля с Волком и вошли.

— Ну, мне пора. Я тут гость незванный, — сказал Волк и нырнул в кусты.

Ульрика пошла по садику, любуясь деревцами и цветами, пока не встретила слуг королевы. Это были две толстые кошки в серых камзолах и белых перчатках.

— Ты пришла к королеве? — спросили кошки.

— Да, — сказала девочка и сделала реверанс.

Важные кошки едва кивнули.

— Зачем? — строго спросили они.

Но Уля осторожно пережила за последнее время, что стала осторожной:

— Это я скажу самой королеве, если можно.

Кошки пошептались между собой и сказали:

— Королеву видеть нельзя.

— Почему?

— Вдруг ты захочешь причинить ей вред — набросишься и покусает? А вдруг у тебя грипп, и ты её заразишь? И вообще, ей надо заниматься важными государственными делами.

— Что же делать? — расстроилась Ульрика.

— Ничем не можем помочь.

И тут, откуда ни возьмись, на дорожке садика показался маркиз Кусолиз! Он очень обрадовался Ульрике, потому что переживал за неё и чувствовал свою вину за то, что бросил её в лесу. Он заступился за Улю перед слугами королевы, снова представил её как свою помощницу и потребовал, чтобы её пустили на предстоящий бал.

Ульрика так обрадовалась, услышав про бал: она ведь ни разу не была на настоящем сказочном балу! Кошки переглянулись, помурлыкали друг другу на ушко и согласились, даже проводили Ульрику в гостевую комнату. Там Ульрика присела на краешек кровати и тут же уснула.

Проснулась она оттого, что где-то играла музыка. Настроение было бодрое: ей ужасно не терпелось посмотреть на бал. На стульчике для неё было приготовлено нарядное платьице, и Уля мигом в него переоделась.

Она поспешила по коридорам на звуки вальса и очутилась в большом зале. За окнами была ночь, а тут всё сверкало, как днём: горели светильники, блестели драгоценности и наряды. В зале было уже полным-полно престранного народа, а важный лакей всё стучал жезлом об пол и объявлял новых гостей:

— Любитель уличной еды Чебурушка и его друг Крокодил-гиена!

— Дочь короля Нептуна Усалочка!

— Представители далёкой революционной страны Черепаха Тротилла и её анархо-охрана!

— Обладающий сверхъестественными способностями Мальчик Аномальчик!

— Ящерца и Попугай из старого дома!

— Волшебник Безумного города!

Все гости подходили к трону и кланялись. Уподножия создалась толчея, и Уле никак не удавалось разглядеть королеву. Тогда она встала в очередь на поклон. Но когда наступил её черёд, она увидела, что на троне никого нет, и все кланялись пустому месту. Она разочарованно отошла в сторонку. Бал продолжался: пары танцевали, слуги разносили закуски с таким гордым видом, будто подают милостыню.

Тут к Ульрике подошёл маркиз Кусолиз. В руках он держал два стаканчика с мороженым. Один он предложил Уле. Она взяла угощение и спросила:

— Где же королева? Уже ушла?

— Её и не было. Может, потом появится. Ты посмотри, какой бал! Когда ещё удастся на таком побывать?

Они немного потанцевали, потом съели ещё по стаканчику мороженого, а потом Кусолиз умчался танцевать с какой-то феечкой.

11. Королева Пододеялии

Ульрика же всё поглядывала на пустой трон и думала, что же это значит. Заболела королева, что ли? Или не хочет никого видеть? Или тут всех дурачат, и вообще нет никакой королевы? В это время к ней приблизилась загадочная фигура в синем плаще со звёздами, в золочёной чалме, с картонным носом и мочальной бородой.

— Ты думаешь о том, куда подевалась королева? — спросил незнакомец голосом Волка.

Ульрика вскрикнула от радости: Волк уже не раз показал свою ловкость, может, он и на этот раз поможет? Незнакомец приложил палец к фальшивым усам и поманил девочку к окну. Они спрятались за шторкой, и там Уля, наконец, спросила, куда делась королева:

— Может, её в плену держат?

— Всё может быть... Если бы я искал королеву, то начал бы с затронной комнаты.

— Какой ещё затронной комнаты?

— А ты видела прямо за тронем небольшую дверь? Оттуда королева должна входить в бальный зал. Слуги объявили, что королева сегодня не выйдет. Может быть, она и сейчас за дверью?

Ульрика присмотрелась и увидела за спинкой трона небольшую дверцу. Она стала потихоньку передвигаться по залу, чтобы встать поближе к двери. За это время на неё ещё пару раз налетел маркиз Кусолиз и звал танцевать, но девочка отказывалась. Наконец она оказалась рядом с тронем, а тут заиграла особенно весёлая музыка, кажется, полька, и все гости кинулись танцевать. Так что Ульрике удалось незаметно шмыгнуть за трон, а потом и к дверце — она оказалась не заперта.

Никто и не заметил, как Ульрика покинула бал. Девочка очутилась в большой комнате. Здесь было тихо, пусто и потому казалось даже просторнее, чем в бальном зале. В правой стене были большие окна, а на левой висели большие картины с изображениями природы. А в дальнем углу (Уля даже не сразу заметила) кто-то сидел за небольшим серым столиком. Ульрика подошла и увидела молодую тётеньку или взрослую девочку в бледно-розовом платьице. Лица её не было видно, потому что взрослая девочка плакала, уронив голову на руки. Её светлые локоны разметались по столу, на голове вздрагивал голубой бант, словно это большая бабочка порхала над её головой.

Как только Уля увидела её, так сразу и пожалела: девочка-тётенька казалась такой одинокой

и беззащитной в этой пустой и неприветливой комнате. Захотелось подойти, погладить её по голове и сказать ей что-нибудь хорошее.

— Не плачь,— сказала Уля.

Девочка-тётушка вздрогнула, подняла на неё блестящие от слёз глаза и спросила:

— Ты кто?

— Я Ульрика. Я королеву ищу. А ты?

— А я и есть королева. Меня Рада зовут,—ответила та, быстро вытирая слёзы.

Уля впервые встретила королеву и не знала, как себя следует вести, поэтому продолжила разговор так же, как и начала, без особых поклонов и реверансов:

— А почему ты плакала?

— Сама не знаю,—ответила королева Рада.—Иногда находит на меня ни с того ни с сего. Вдруг покажется, что никто меня не любит, что нет у меня друзей, что в будущем нет для меня ничего хорошего. И, что всего удивительнее, вот так, когда плачешь от одиночества, то и не хочешь никого видеть. словно бы хочется чувствовать себя самой несчастной и беззащитной на свете.

— У меня такое тоже бывает,—призналась Уля.—Особенно если папа не хочет мороженое покушать... Но неужели тебе не с кем дружить? У тебя ведь, наверное, и слуги, и министры всякие, и придворные.

— Это всё не то,—вздыхнула королева.—Слуги поддаются и льстят всё время, а старшие придворные постоянно учат меня, что мне делать и как должна себя вести настоящая королева. Это нельзя, то нельзя... Да и вообще, мало они понимают в играх. Книжек не читают, сказок не знают. Наряды да новые дворцы—вот все их развлечения. Целыми днями только и разговоров, у кого плащ моднее и дороже да у кого дом больше.

От всех этих рассуждений королеве Раде, похоже, снова стало грустно. Уголки её рта снова поползли вниз, а прекрасные глаза быстро заморгали.

— Хочешь, я с тобой поиграю, чтобы тебе не было грустно?

— Хочу!—обрадовалась королева Рада.—Давай поиграем в стихотворную угадайку?

— Давай! А как это?—Ульрика любила всякие литературные игры.

— Я читаю тебе стихотворение, но там, где должны быть рифмы, останавливаюсь, а ты угадываешь, что за слово там должно стоять. Вот, например...

И королева стала читать:

Почешут соперники темя,
Друзья усмехнутся в усы,
Узнав, что парижское...

Уля задумалась, а потом выдала:

— Темя!

— Российские мерят...

— Трусцы!

Королева Рада звонко засмеялась:

— Совершенно неверно. Но вышло неплохо! Я запишу этот вариант в свою книжечку.

Она достала небольшой блокнотик и сделала там запись карандашом.

— Давай ещё попробуем...—предложила она, встала из-за своего столика, расправила платице и стала расхаживать по комнате, вспоминая новое стихотворение.

Похоже, поэтическая игра и правда отвлекла её от грустных мыслей. Наконец она произнесла:

И я стонал в клещах мороза,
Что ногти с мясом вырвал мне,
Рукой обламывал я...

— Розы!

— И это было не во...

— Бще!—выдохнула Ульрика.

— Будь здорова,—сказала королева, подумав, что девочка чихнула.

Дальше предстояло загадывать Ульрике. Она вспоминала различные стихи, и из книжек, и те, которые её папа сам сочинил. Но королева Рада почти везде правильно угадывала рифмы:

Главное и прочее,
Вместо ответов...

— Многоточие!

Чёрное и синее,
И что в конце концов...

— Красивее!

Получалось не смешно, но очень здорово.

— Не зря тебя Фыва и Олдж хвалили,—призналась Ульрика.

Королеве было приятно слышать такое.

— А что ещё про меня говорят мои подданные?

— Ещё говорят, что ты ничего не делаешь. Одни говорят, что это неинтересно, а другие—что это хорошо.

— Как же мне ещё быть?—снова вздохнула королева.—Пробовала я какие-то указы и законы писать, так от этого только хуже выходило. Приказала я поддержать в стране писателей и художников. Так мои слуги их три месяца в тюрьме продержали. Приказала я сделать так, чтобы все жители моего королевства были довольны и счастливы, так министры распорядились на каждом углу солдата поставить, чтобы он следил за тем, чтобы все вокруг улыбались, а кто не улыбается, того бит нещадно. Приносили мне указы на подпись. «О всеобщем богатстве». А там приписка на двадцатой странице, что богатство должно принадлежать богатым, поэтому у бедных надо последнее отобрать и богатым отдать. В общем, перестала я любые указы подписывать. Я им не дурочка—бумажки их не глядя подписывать. Теперь вот ничего не делаю. И вроде бы подданным

полегче жить стало. А придворные мной, наоборот, недовольны. Извести меня хотят.

Тут Ульрика спохватилась, хотя ведь не просто так сюда пришла.

— А ты не знаешь, где находится тудырочка?

— Знаю. А тебе зачем?

— А мне домой надо, к папе. Можешь мне сказать, как попасть в эту самую тудырочку?

— Могу... Но не сразу. Сперва ты должна выполнить моё условие.

Теперь уже Уля чуть не заплакала:

— А просто так нельзя?

— Нельзя,— ответила Рада.— Во-первых, я королева, а значит, должна немного повредничать. Во-вторых, в сказках ничего просто так не делается. А в-третьих, задание это очень важное. И поручить мне его больше некому.

— Что за задание?—спросила Ульрика.

— Задание победить Бабу егэ.

Хоть Ульрика никогда и не видала эту Бабу, но отчего-то вздрогнула при её упоминании. Королева Рада заметила это:

— Вот видишь. Даже тебе не по себе. Все дети её боятся. Даже я её боюсь.

— А почему ты её боишься, ведь ты же не деть?

— Так уж устроено, что никто не может взрослым стать, пока не повстречается с Бабой егэ, не сходит к ней на поклон. И мне к ней идти страшно. И попросить некого.

— Хотела бы я тебе помочь. Да как же я с ней одна справлюсь?

И тут вдруг штора возле одного из окон зашуршала, и из-за неё появился тот самый таинственный незнакомец в чалме и бороде.

— Зачем одна? Я тебе помогу.

— Кто это?—вздрогнула королева.

— Это Волк.

Незнакомец раскланялся перед королевой Радой:

— Позвольте пригласить вас на свидание...

Но Ульрика ответила вместо королевы:

— Со съеданием?

И волк смущённо умолк.

— Вот если бы с нами маркиз Кусолиз пошёл, а ещё Фыва и Олдж. Тогда было бы и не страшно, и не скучно,— сказала Ульрика.

Королева согласилась послать своих слуг в посёлок Лириков, а пока предложила отдохнуть и назначить на завтра небольшой военный совет по поводу того, как победить Бабу егэ.

И когда Ульрика засыпала у себя в гостевой комнатке, она слышала, как кто-то бродит по саду и поёт:

Плач, плач, плач
Королевы юной,
Той, что скинет плащ
В июне.

Спешет палач
Над её главою.
Ива, ты поплачь,
А я, Волк, завою...

12. Тайное соврание

На следующий день тайное собрание было в полном составе. Только королева Рада почему-то называла его «соврание». Ульрика спросила почему. — Потому что мы в сказке, а сказка — ложь, — объяснила королева.

— Правильно. А в ней — намёк, — прибавил Олдж.

Приступили к совещанию. Маркиз Кусолиз сказал, что он пойдёт за Ульрикой куда угодно и докажет ей свою храбрость. Переодетый Волк сказал, что готов помочь победить Бабу егэ, если он этим заслужит дружбу королевы. Королева задумчиво улыбнулась в ответ. Фыва и Олдж заявили, что они никуда не пойдут, потому что им страшно... то есть страшно некогда, но что они готовы дать ценные советы.

— И что же вы нам посоветуете?—спросила королева Рада.

— Посоветуем заручиться поддержкой какого-нибудь великого волшебника, — сказали лирики хором.

— Да где же их взять?—развела руками королева.— Мальчик Аномальчик ещё слишком маленький. Госпожа Богомоль нам помогать не станет. А больше и нет никого. Потому Баба егэ так и осмелела. — А я знаю, кто вам поможет!—раздался голос из-за двери, и в совещательную комнату вошёл Старый Лис.— Вот вы меня не позвали, а я знаю, кто вам поможет. Но теперь не скажу, потому что...

Королева хотела уговаривать Лиса, но Ульрика сделала ей знак подождать и заговорила насмешливо:

— Потому что ничего ты не знаешь!

— Я не знаю?—задохнулся Лис.

— Да, ты. Не знаешь!

— Вот как? Я не знаю? А про Сикильдяшку вы забыли?

Ульрике это имя ни о чём не говорило, но остальные разом восторженно вскрикнули и кинулись хвалить Лиса. От гордости Лис распушился и стал казаться ещё толще.

— Вот то-то же,—сказал он.— А теперь, когда вы убедились, какой я умный, я научу вас жизни.

— Э нет!—строгая сказала королева.— Это как-нибудь в другой раз.

— Но почему же?—возмутился Лис.— Про волшебника я ведь правильно сказал, значит, и во всем остальном я тоже прав.

— Все не обязательно,—ответила Королева и сама выпроводила Лиса из комнаты.

— Что ещё за Сикильдяшка?—спросила Ульрика у Олджа.

— О, есть древняя и прекрасная легенда о том, что в старину в Пододеялии жили могущественные волшебники. Вот послушай.

И Олдж торжественно произнёс, а все торжественно послушали:

У подножия ромашки
Жили-были Сикильдяшки,
Сикильдяшки не простые,
Все красавцы удалые.
Все равны, как на подбор,
Но один из них—бобёр.

— Прекрасно, правда?—спросил Олдж.

— Прекрасно-то оно прекрасно, да только никто не знает, куда они делись и где их теперь искать,—сказал переодетый Волк.

— Мне кажется, я знаю где,—догадалась Ульрика, и все с удивлением уставились на неё.

— Говори же, не томи!—Волк чуть не выпрыгнул из своего плаща от нетерпения.

— Если один из них—бобёр, то я его видела под мостиком на речке Кач-кач.

— Вот здорово!—захлопала в ладоши Фыва.—Значит, туда и отправляйтесь и уговорите его помочь победить Бабу егэ.

— А если вам снова повстречаются белые каряблики, то вот вам чудесный тапок,— королева передала Ульрике нечто, обмотанное золотистой тканью.— К сожалению, против Бабы егэ он бесполезен.

Итак, на поиски последнего волшебника и битву с Бабой егэ отправились трое: Ульрика, маркиз Кусолиз и Волк. Фыва и Олдж взялись проводить их до посёлка Лириков.

13. Кусолиз одерживает славную победу и терпит позорное поражение

— Скорее уже хочется всё сделать, чтобы все страхи остались позади и чтобы я вернулась домой!—сказала Ульрика, когда трое героев оказались за пределами замка.

— А мне хочется поскорее снова увидеть королеву, пока её никто не съел,—сказал Волк.

Он уже сбросил маскировку и был в своём натуральном виде.

— А я готов путешествовать хоть сто лет. Люблю приключения!—браво заявил маркиз Кусолиз.

Фыва и Олдж всю дорогу играли с Ульрикой в различные игры, так что путешествие получилось быстрым и беззаботным. Посёлок Клириков они обошли стороной, а в посёлке Лириков распростились с Фывой и Олджем. И тогда дорога стала чуть грустней, хотя Волк охотно катал Ульрику на спине. Девочка невольно возвращалась мыслями к предстоящим опасностям.

Путники углубились в лес, который отделял посёлок Лириков от реки. Лес был мрачный, лишь узенькая тропинка вела через заросли, но Волк заявил, что хорошо знает эту дорогу. Поскрипывали

стволы, шуршала листва. Ульрике за каждым кустом мерещилась опасность.

— Не бойся, я с тобой,—сказал ей маркиз.

Однако разговоры сами собой прекратились. Путники внимательно прислушивались к лесным шорохам и присматривались к качающимся теням.

И вот, когда между деревьями наметился просвет, а впереди послышался шум реки, вдруг где-то совсем рядом послышалась мрачная песня:

Белые каряблики, белые каряблики
По лесу идут.
Белые каряблики, белые каряблики
Косточки грызут.

И идут каряблики, всё идут каряблики
Среди темноты.
Белые каряблики, белые каряблики—
Это я и ты.

Вот уже слышны шаги. Вот обозначились бледные сгорбленные фигуры. Вот протянулись лапы с длинными когтями. Маркиз Кусолиз, хоть и дрожа с головы до пят, но шагнул вперёд и схватился за эфес шпаги.

— Тапок!—подсказал ему Волк.

Тогда маркиз выхватил золотистый свёрток и, не раскрывая, швырнул в сторону фигур. Ульрика испугалась, что в неразвёрнутом виде тапок не подействует, но одна из фигур тоненько ойкнула и кинулась прочь.

— Хулиганы! Я вот маме скажу!—крикнула другая и тоже пропала.

А путники скорее побежали на свет.

Вот и речка Кач-кач. У берега плавают кувшинки. Сперва все трое перевели дух и поздравили маркиза с великой победой (сам себя он тоже поздравили). Потом Волк и маркиз немного поспорили о том, выше или ниже по течению им теперь следует пройти, но в конце концов мост отыскался. А под мостом Ульрика нашла домик бобра. — Простите, волшебник Сикильдяшка не здесь живёт?

— Как же не здесь? Здесь. Что вам от меня нужно?—послышалось из домика.

И наружу вылез крупный бобёр. Уля от радости даже захлопала в ладоши. Ещё бы: с белыми карябликами справились, волшебника нашли. Теперь надо уговорить его помочь в предстоящем сражении.

— Кто вы такие, и что вам от меня нужно?

— Мы хотим победить Бабу егэ и спасти всех детей и подростков Пододеялии от страха, который она вселяет,—сказал маркиз Кусолиз, выступая вперёд.

— Это дело доброе,—согласился Сикильдяшка, задумчиво погладив свою мордочку.—Баба егэ давно и мне поперёк горла стоит. У меня ведь тоже дети. Хорошо, я помогу вам.

Сикильдяхка вернулась в домик, взяв с собой небольшой заплочный мешок. Теперь можно было отправляться в царство Бабы егэ.

Маркиз Кусолиз предложил на секундочку заглянуть к нему в замок (ведь это совсем рядом!) и проверить, исправно ли его слуги ведут хозяйство. — Ох, чувствую, не к добру это, — сказала Уля.

Но пришлось согласиться: так маркиз упрямился. Когда вдали показались розовые крыши, Кусолиз заволновался — видно, соскучился по дому. Он велел друзьям ждать в кустах, а сам стал подкрадываться к ближайшему окну.

Но только он приподнялся на цыпочки, чтобы заглянуть, окно с треском распахнулось, и оттуда появилась огромная рука! Не успел Кусолиз ничего сообразить, как его уже схватили и потащили внутрь.

— Теперь не уйдёшь, ваше сиятельство! — сказал Иван Иванович.

А от двора к замку уже бежала великанша Марья Петровна, приговаривая:

— Охти! Охти! Нашёлся, злодей...

Маркиз же только и успел крикнуть:

— Бегите! Я их задержу!

И друзья бросились наутёк. Бежали, пока Волк не сказал:

— А чего это мы бежим? Мы-то им не нужны. Не мы ведь их хозяева.

— Это ещё непонятно, кто там чей хозяин... — проворчал Сикильдяхка.

— Эх, теперь его точно не выпустят — стеречь будут, — вздохнула Ульрика.

— Придётся без него идти, — сказал Волк.

— Придётся, — согласился Сикильдяхка.

И они пошли.

14. Битва с Бабой егэ

Идти к владениям Бабы егэ надо было мимо посёлка Физиков вверх по течению речки Кач-кач. В посёлок решили не заходить, чтобы не вышло снова каких-нибудь нелепостей и осложнений.

Потом шли через лес, но по широкой дороге и без каких-либо приключений. По дороге Ульрике хотелось поговорить с Сикильдяхкой — интересно же пообщаться с настоящим волшебником, но он был неразговорчив. С Волком девочка разговаривать остерегалась: у него все истории были про то, где он бывал и кого едал.

— А какая она, Баба егэ? — допытывалась Ульрика у волшебника.

— Какая, какая... Да обыкновенная. Какая полагается, — отвечал тот.

— Такая горбатая, в платочке? И живёт в избушке на курьих ножках?

— Нет, совсем не то, — усмехался Сикильдяхка.

Наконец они подошли к ровному серому бетонному забору. По верху забора торчали на палках черепа с горящими глазами.

— Этими глазами Баба егэ может многое видеть, — шепнул Ульрике Сикильдяхка. — Но помни: в её жилище у стен могут быть не только глаза, но и уши, и даже носы.

— И что, она всё видит и всё слышит? — шепнула в ответ Ульрика.

— Хочет видеть и слышать. Но обхитрить её можно. Возьми вот этот браслетик. Надень его и не снимай. А когда доберёшься до Бабы егэ, то нажми вот на эту пуговку.

И Сикильдяхка протянул девочке браслетик. Пока она надевала украшение, Сикильдяхка куда-то пропал. Как сквозь землю провалился. Видимо, так было надо. Поэтому Ульрика и Волк, затаив дыхание, подошли к железным воротам, на которых красовалась табличка: «Тихо! Ведутся мониторинговые процедуры!» И ниже была мелкая приписка: «За нарушение — хуц-пуц».

Пока Уля и Волк читали эти непонятные надписи, сверху раздался злой голос — похоже, говорил один из черепов:

— Цель визита?

— Мы на процедуры! — не растерялась Ульрика.

— Сопроводительные документы с собой?

— Нет! — пожалла плечами Ульрика.

— Тогда заходите. Корпус Б-8 в секции Зет-дробь-11. Предварительная запись на следующий год! Вам присваиваются номера Ж-о и В-о.

Железные двери распахнулись, и герои вошли внутрь. Тут был довольно грязный, замусоренный двор, на котором располагались различные постройки. Над входами красовались вывески с цифрами и буквами, а также таблички «Не входить», «Проход закрыт», «Технические неполадки» и так далее. Там и сям были расставлены указатели, но нигде не удавалось отыскать нужный.

Волк шепнул Уле:

— А зачем нам эта Б-8? Нам же Баба егэ нужна. Пойдём сразу в главный дом. Она, наверное, там.

Так и решили. Но над входом в здание загорелся огонёк, и снова послышался голос из черепа (на этот раз вежливый и ласковый):

— Номера Ж-о и В-о, приготовьтесь к прохождению осмотра. Просьба удалить все металлические предметы, а также всё, что может повредить здоровью Бабы егэ. Снимите обувь и ремни. Выверните наизнанку одежду. Носки наденьте на руки, а штаны — на голову. Все волшебные предметы проглотить перед входом. За нарушение — хуц-пуц

Уля посмотрела на Волка, тот слегка помотал головой. Хорошо, что у них ещё не было штанов и носков, которые пришлось бы надевать куда попало.

Дверь щёлкнула и отворилась. За ней был небольшой коридорчик, в конце которого была другая закрытая дверь. Уля взяла в руки тапочки, и они вместе с Волком вошли. Дверь за их спиной

закрылась. Снова раздался голос, но на этот раз писклявый и противный:

— Поднимите вверх руки! Так... Теперь одну ногу! Так... Теперь одну ногу и одну руку! Так... Громко скажите: «Тру-ля-ля!»

Уля с Волком сделали всё, что нужно, хотя это было очень обидно. Наконец дверь впереди открылась, и они оказались в зале с множеством дверей. Над дальней дверью загорелась зелёная табличка с какими-то цифрами, и послышался хриплый, простуженный голос:

— Номера Ж-о и В-о, подойдите к двери хю-9.

Уля и Волк пошли к этой двери, но не успели дойти до неё, как табличка погасла и сменилась красной надписью: «Входа нет». А зелёная табличка загорелась над дверью в другом конце коридора, и снова раздался голос:

— Номера Ж-о и В-о, подойдите к двери 12-фу.

Они бросились туда, но снова не успели. Так они метались туда-сюда и никак не могли успеть.

Тогда Волк предложил караулить у двух разных дверей, пока одна из них не откроется. Пришлось подождать какое-то время и много раз выслушать свои номера и приглашения ко всяким дальним выходам, пока, наконец, не отворилась дверь, которую караулила Ульрика. Она схватилась за неё и потянула на себя изо всех сил, а Волк бросился ей на помощь. Уже снова зажглась красная надпись «Входа нет», а Уля всё тащила дверь на себя. Волк вовремя подбежал, и они вместе прошмыгнули внутрь.

А тут, внутри, было темно. Кто-то сидел за столом и в специальную трубу кричал на разные голоса. Уля отыскала выключатель и зажгла свет. Оказалось, что за столом сидит небольшая, в общем-то, не старая тётя со злым лицом и скрюченным носом. Волосы у неё были собраны в высокую причёску. На носу блестели очки.

Когда зажёгся свет, она от неожиданности вскрикнула.

— Так это вы Баба егэ?—спросила Уля.

— Молчать!—злым голосом сказала тётя.—Разговаривать с организатором-модератором-координатором запрещено. Так и быть. Выдам я вам документы.

Она указала посетителям на свободный стол и шлёпнула перед ними стопку бумаги.

— Заполняйте согласно образцу на странице двести восемнадцать, только в обратном порядке, с пропуском пунктов со звёздочкой и с нечётным количеством знаков препинания. А я пока посчитаю, внесу вас в свою таблицу.

И потянулись утомительные безрадостные часы, а может, даже и дни. Уля и Волк заполняли какие-то бумаги, ходили из кабинета в кабинет, регистрировались на каких-то сайтах.

Наконец, Баба егэ снова вызвала их к себе.

— Твой опознавательный номер?—обратилась она к Волку.

— В-о,—ответил Волк.

— Рост, вес?

— Не знаю.

— Марш на весы!—Баба егэ указала Волку в нужный угол и обратилась к девочке:—Ты?

— А я Ульрика.

У Бабы егэ даже очки с носа свалились от негодования, и она закричала, топая ногами:

— Что? Как ты смеешь помнить своё имя? Как ты смеешь называть его? Твой номер! Только твой номер! За слушание—хуц-пуц! хуц-пуц! хуц-пуц!

Баба егэ подступала всё ближе, лицо её искажилось. Ульрике стало совсем страшно, и она, спохватившись, нажала пуговку на браслете. Что-то щёлкнуло, звякнуло, и сразу оттуда чудесным образом выпрыгнул Сикильдяшка. В руках у него была огромная красивая кувшинка. Он встал между Ульрикой и колдуньей и, не говоря ни слова, протянул цветок Бабе егэ.

Та сразу остановилась и перестала кричать, как будто подавилась. Лишь выговорила:

— Как?... Живое? Живое?! Куда мне это записывать?

Её голос сделался жалобным. Баба егэ покраснела, надулась, задрожала... И лопнула, оставив в воздухе лишь запах канцелярского клея и ворох кружащихся бумаг. Бумаги завертелись вихрем, к ним присоединялись другие бумаги, вылетающие из распахнувшихся ящиков и шкафов. Получался целый ураган.

— Бежим!—скомандовал Сикильдяшка, и все бросились за ним в открытую дверь.

Однако выход из здания был закрыт стеклянной дверью. А бумаги летали в воздухе и хлестали по лицу.

— Пригото-овьтесь к прохождению-у осмо-у-отра... осмотра...—голос замедлялся, расплывался, заикался...

Не дожидаясь новых правил и распоряжений, Волк схватил стул и ударил дверь. Она не поддавалась.

— Окно!—крикнул Сикильдяшка.

Окно им удалось разбить и выбраться наружу. Правда, Уля поцарапала руку, но для неё это была пара пустяков. Пока училась ездить на велосипеде, она и не так стучалась и царапалась.

Дом Бабы егэ разрушался и исчезал у них за спиной, как будто его засасывала внутренняя пустота. Ульрика взяла на руки Сикильдяшку, вскочила на Волка, и они одним махом перелетели забор. Ещё секунда—и бумажный ураган слился в единый ком, а потом сложился, спрессовался и превратился в книжку «Литературная романтическая сказка».

15. Прощай, Пододеялия!

Передохнув и вдоволь нарадовавшись своей победой, герои отправились в обратный путь. В посёлке

Физиков царил мёртвая тишина— может быть, потому, что было ещё раннее утро. Только робот-поливальщик всё гнул железную спину над грядкой с луком, да Старый Лис мирно спал в своём кресле, прикрыв мордочку отцовской газетой. Решили его не будить.

Из окна Розового замка им помахал платочком маркиз Кусолиз. А ближе к речке он догнал их сам, в очередной раз улизнув от своих верных слуг.

Сикильдяшка попрощался с героями у моста. Он сказал, что к королеве за наградой ему идти совсем не хочется. Ему и в своём домике хорошо, а с победой над злой колдуньей теперь станет ещё лучше. Ульрика ещё раз поблагодарила волшебника и поспешила дальше.

Лес стал теперь безопасен, они мигом дошли до посёлка Лириков, но и тут оказалось пусто. Даже на площадке для поэтических соревнований было тихо. Никто не читал стихи про ногу, никто не занимался обновлением поэзии.

— Куда это они все подевались?— удивился Волк. — И в посёлке Физиков тоже почти никого не было,— добавила Уля.

— Пойдём дальше— там разберёмся,— предложил маркиз Кусолиз, и они двинулись дальше, в сторону королевского дворца.

В посёлке Клириков тоже никого не оказалось. Лишь на Святом месте хлопала крыльями госпожа Богомоль.

— Эй, куда это все подевались?— крикнул ей маркиз Кусолиз издалека (близко подходить к ней всё-таки не решились).

Но госпожа только трещала крыльями да кружилась над своим плетнём, и путники поспешили дальше, чтобы успеть в замок дотемна. Эта тишина и безлюдье (в случае посёлка Клириков— безбаранье, и так далее) действовали им на нервы. Так что они слегка испугались, когда рядом с ними зашуршали кусты.

— Кто здесь?— крикнул Волк.— Предупреждаю, у нас есть волшебный тапок.

Из зарослей послышался голос:

— Да нет у вас никакого тапка. Вы его на белых карябликов истратили.

И навстречу героям вышла королева Рада собственной персоной.

— Что вы здесь делаете, ваше величество?— удивился маркиз Кусолиз.

— Как вам удалось сбежать от своих придворных?— прибавила Ульрика.

— А они меня свергли,— смущённо улыбнулась королева.

— Свергли?— удивился Волк.

— Да. Хотели ещё и погубить, но я убежала.

Вдали со стороны дворца послышался какой-то гул.

— Что это?— спросил Волк.

— Пойдёмте,— коротко отвечала королева и повела путников к месту, откуда открывался вид на дворец.

Вокруг дворца было видно какое-то шевеление, горело множество огней— не то праздничная иллюминация, не то пожары. Слышались крики, какой-то грохот. В сумерках озарённый огнями дворец выглядел торжественно и тревожно.

— Что там?— прошептал маркиз Кусолиз.

— Когда придворные объявили, что королевы больше нет, весь народ собрался у дворца и объявил, что раз нет королевы, то и придворных им тоже не нужно. И теперь уже народ свергает придворных. Уж не знаю, чем это кончится.

— Так поспешим туда!— сказала Ульрика.— Раз придворных нет, то тебе нечего бояться.

Но королева задумчиво покачала своей белокурой головой:

— Не хочу я туда возвращаться. И королевой быть не хочу. Пускай уж люди сами решают. Если им хочется королеву, пусть выберут новую. Если им без королей хорошо, пусть так и живут. Для того чтобы пахать и сеять, чтобы стихи писать или делать изобретения, короли ведь не нужны.

— И куда же вы, ваше величество?— спросил маркиз Кусолиз.

— Куда-нибудь...— вздохнула королева, точнее, теперь уже просто Рада.— Во-первых, мне мир посмотреть хочется. Всю жизнь я просидела в своей башне и совсем ничего не знаю. Только страшно мне, ведь я ничего не умею, кроме своих поэтических игр.

— Дорогая королева, позвольте мне предложить вам себя в попутчики,— галантно произнёс Волк.— Я вас и защитить смогу, и на себе готов возить.

Королева ничего не ответила, только почесала Волку голову, и он завалил хвостом, как добрый пёс. Рада уже взобралась ему на спину, но тут Ульрика вспомнила:

— Пойдите! А как же тудырочка? Где мне её искать?

— Так ведь это очень просто,— сказала Рада и набросила девочке на голову свой плащ.

— Уля... Уля...— кто-то звал Ульрику, и она стала шевелить руками, чтобы сбросить с себя плащ, но у неё это никак не получалось.

И тут откуда-то протянулись большие сильные руки— папины руки!— взяли её и потянули за собой.

— И как это ты умудрилась забраться внутрь одеяла, в самый пододеяльник?— сказал папа, баюкая дочку на руках.

Он переложил Улю на её кровать, а она всё думала о том, как завтра пойдёт гулять на речку и на холм и расскажет папе всё-всё, что с нею было в Пододеялии.